

МОСКВА
МИСТИЧЕСКАЯ,

МОСКВА ЗАГАДОЧНАЯ

Борис Соколов

**Москва мистическая,
Москва загадочная**

«Алгоритм»

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Соколов Б. В.

Москва мистическая, Москва загадочная / Б. В. Соколов —
«Алгоритм», — (Подарочные издания. Московведение)

Москва — один из самых таинственных городов на свете. С ее историческими зданиями и проживавшими в них замечательными людьми связано большое количество легенд и преданий. В основе их, как правило, лежат конкретные исторические факты, но народная фантазия в своем полете обычно уходит от них очень далеко. В этой книге речь пойдет только о трех, но, пожалуй, самых знаменитых московских тайнах: о легендарной Либерее Ивана Грозного — уникальной библиотеке византийских императоров, будто бы доставшейся в наследство московским великим князьям, но позднее бесследно исчезнувшей в кремлевских подземельях, о приобретшем репутацию колдуна и чернокнижника сподвижнике императора Петра Великого шотландце Якове (Джеймсе) Брюсе и, наконец, о загадках, связанных с творчеством, наверное, самого московского из всех великих русских писателей — Михаила Афанасьевича Булгакова.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

© Соколов Б. В.
© Алгоритм

Содержание

Московские тайны. Иван Грозный. Яков Брюс. Михаил Булгаков	6
В поисках ускользающего сокровища. Либерея Ивана Грозного	7
Яков Брюс. Маг или ученый?	75
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Борис Соколов

Москва мистическая, Москва загадочная

© Соколов Б.В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Московские тайны. Иван Грозный. Яков Брюс. Михаил Булгаков

Москва — один из самых таинственных городов на свете. С ее историческими зданиями и проживавшими в них замечательными людьми связано большое количество легенд и преданий. В основе их, как правило, лежат конкретные исторические факты, но народная фантазия в своем полете, как правило, уходит от них очень далеко. В нашей книге речь пойдет только о трех тайнах, связанных с Москвой, но, наверное, тайнах самых знаменитых. В первом очерке мы расскажем о легендарной Либерее Ивана Грозного — уникальной библиотеке византийских императоров, будто бы доставшейся в наследство московским великим князьям, но позднее бесследно исчезнувшей в кремлевских подземельях. Во втором очерке мы остановимся на биографии одного из самых ярких сподвижников императора Петра Великого — шотландца Якове (Джеймсе) Брюсе, с которым связано наибольшее количество московских легенд. Этот человек еще при жизни, а главным образом — после смерти, приобрел репутацию колдуна и чернокнижника. И наконец, в третьем очерке мы попробуем разгадать некоторые загадки, связанные с творчеством, вероятно, самого московского из всех великих русских писателей — Михаила Афанасьевича Булгакова. Они связаны с двумя его самыми известными и до сих пор, через сорок лет после публикации, остающимися культовыми московскими произведениями — «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» — и имеют отношение к некоторым вполне конкретным зданиям и прототипам, а также проискам нечистой силы. Что интересно, все три очерка оказываются связаны с книгами — с уникальной библиотекой византийских императоров, с богатейшей для своего времени научной библиотекой Якова Брюса и, наконец, с самыми знаменитыми книгами Михаила Булгакова. Итак, вперед, читатель!

В поисках ускользающего сокровища. Либерея Ивана Грозного

Уникальную библиотеку царя Ивана Грозного, знаменитую Либерею, ищут уже более 400 лет. Версий насчет ее судьбы не счесть. По одним, она сгорела в одном из бесчисленных московских пожаров, по другим – была оставлена царем в Александровой слободе, где будто бы сгорела в пожаре, вызванном небывалой грозой на Рождество 1582 года, по третьим – до сих пор хранится в одном из кремлевских подземелий и дожидается своего часа.

Согласно легенде, Либерея насчитывает более 800 древних фолиантов, многие из которых сохранились в мире в единственном экземпляре и способны буквально перевернуть наши представления о мировой истории и культуре эпохи античности и раннего Средневековья. Некоторые шутники сегодня оценивают пропавшую Либерею в 7—10 млрд. долларов. Впрочем, суммы оценки сокровищ, которых никто и никогда не видел, могут быть любыми – насколько хватит фантазии. Ясно только одно: если бы библиотека царя Ивана Грозного действительно существовала в том составе, который ей приписывают предания и легенды, то в случае находки это было бы поистине бесценным сокровищем. Так что всякий, ее нашедший, сразу должен был бы пополнить список самых богатых россиян по версии журнала «Форбс». Для этого даже законной четверти от стоимости клада хватит.

История поисков знаменитой библиотеки, полная невероятных приключений и загадок, давно уже заслонила собой те сокровища книжной премудрости, которые, как думали кладоискатели, должны там храниться. А в государственной библиотеке будто бы хранятся давным-давно утраченные или до сих пор не известные миру произведения Тацита, Вергилия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Аристофана, Цицерона, Гелиотропа, Заморета, Эфана, Бафнаса... Так и хочется дописать: Брокгауза и Эфрона. В общем, настоящая энциклопедия древних знаний. При этом встречаются книги не только церковные, но и вполне светского содержания. Более подробно о списке книг, составляющих Либерею, мы скажем далее.

Древние книги. Рукописные книги в «допечатные» времена были очень редки и дороги, а их переплеты и обложки инкрустировались драгоценными камнями и золотом и ценились порой больше, чем содержащиеся в них тексты

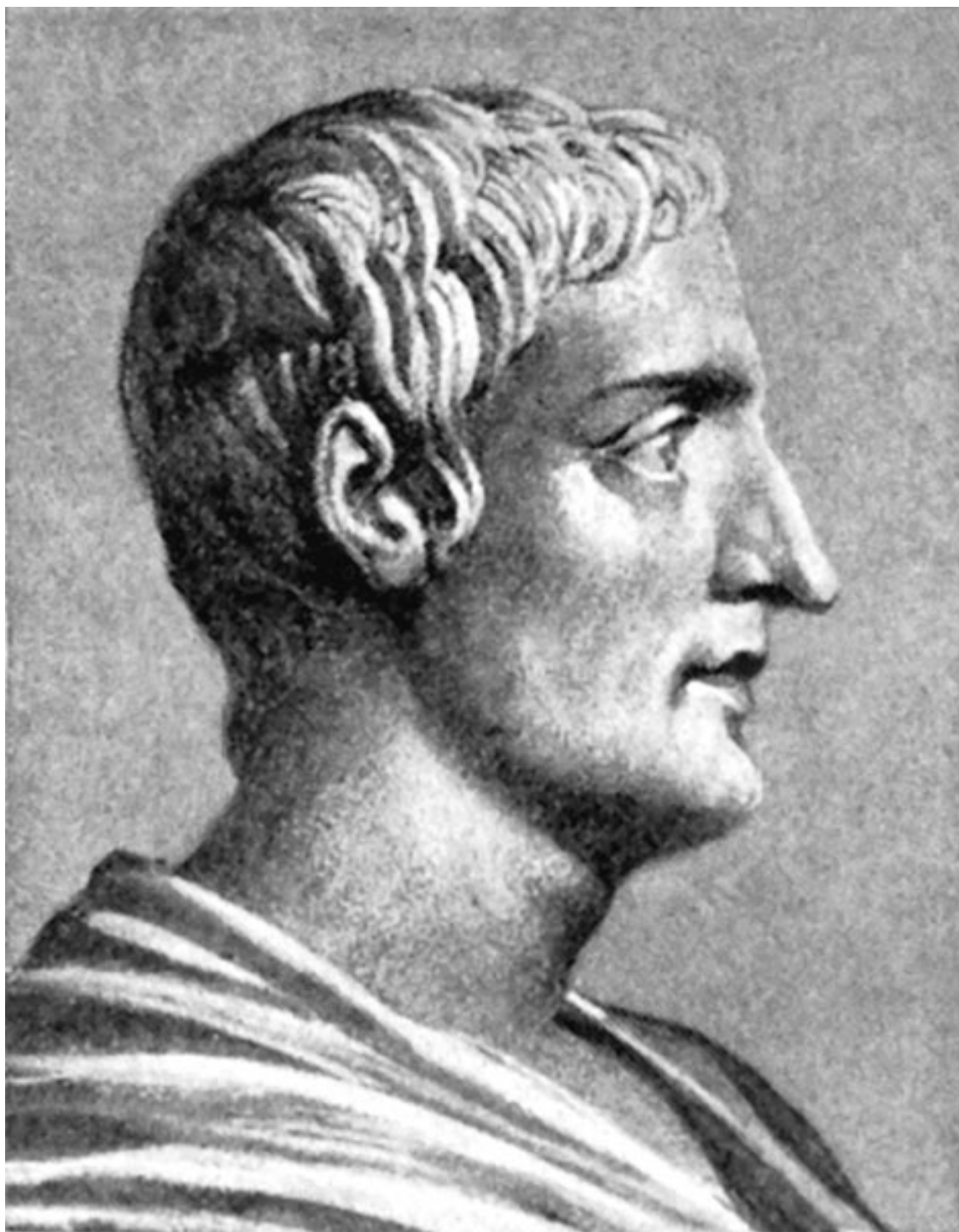

Царь Иван Васильевич Грозный. Худ. Васнецов В.М., 1897

Александрова слобода. Загородный дворец великого князя Василия II, где, по одной из версий, была оставлена знаменитая Либерея Ивана Грозного

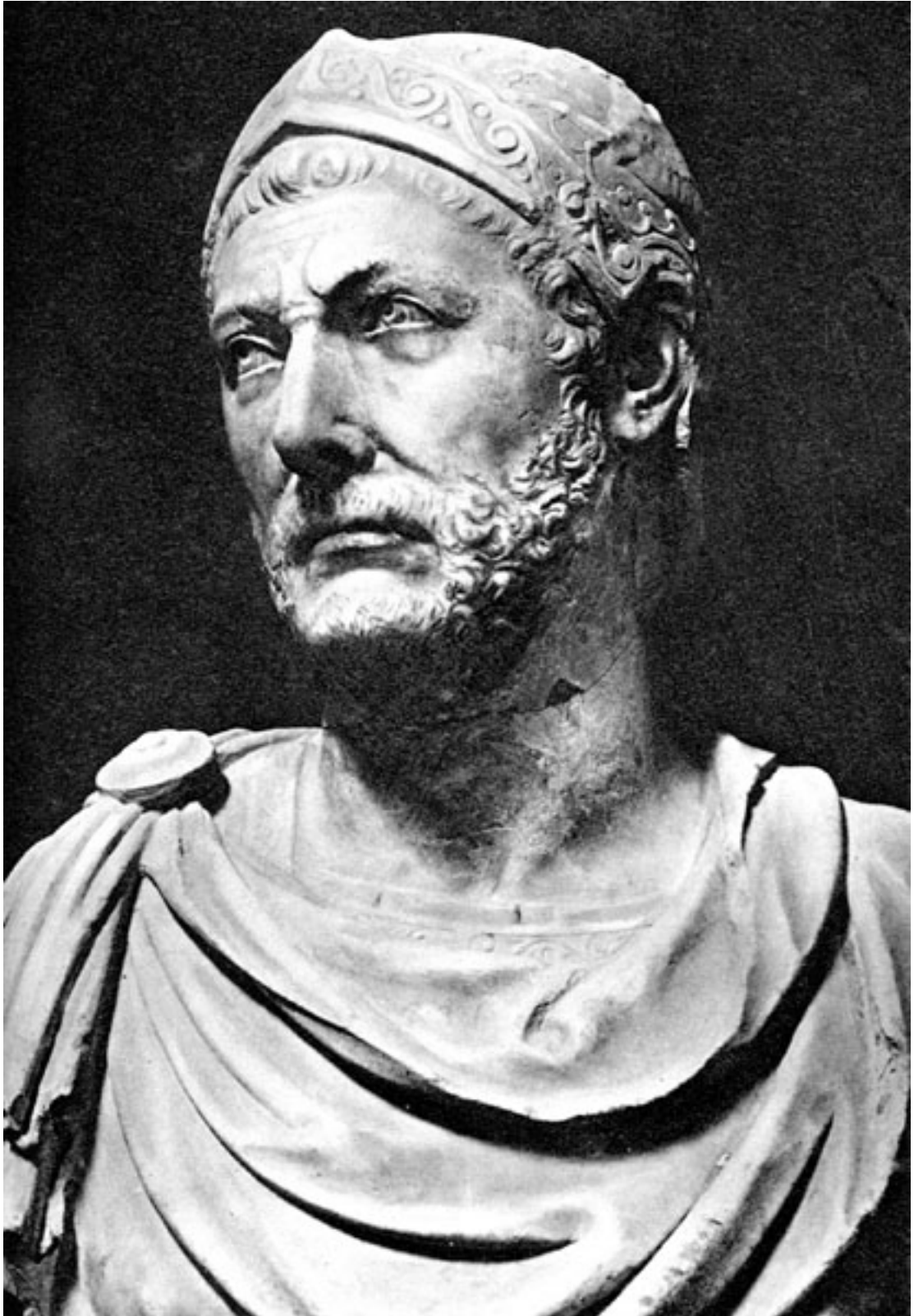
На руку тем, кто искренне верит в существование неведомой миру библиотеки Ивана Грозного, играет тот факт, что подземелья Москвы и особенно Кремля изучены еще в очень малой степени. По мнению энтузиастов, они все еще таят в себе несметные сокровища и неисчислимые тайны. К ним относится не одна только Иоаннова Либерея. Тут и сундуки, и горшки с золотом и драгоценностями, тут и истлевшие скелеты в цепях, замурованные в склепы и стены. Либерею и другие клады силой воображения можно помещать в любое еще не раскопанное подземелье, а если его раскопают и ничего не найдут, то – в следующее, и так до бесконечности. Нераскопанных подземелий в Москве хватит еще не на один век раскопок, особенно учитывая те темпы, с которыми они велись, начиная с конца XIX века.

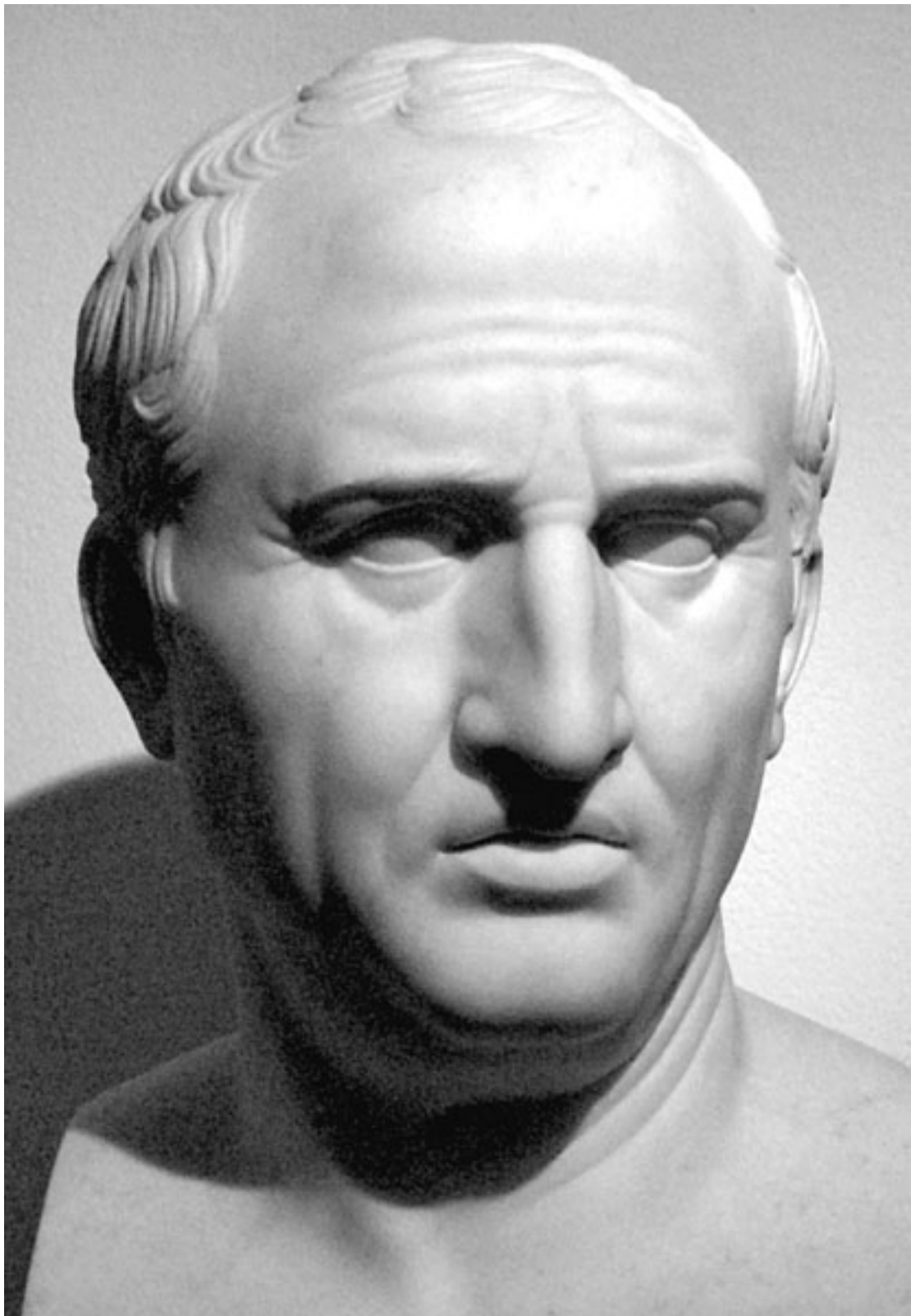
Тацит Публий (или Гай) Корнеелий Тацит (середина 50-х – ок. 120 н. э.) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор знаменитых исторических трудов – «История» и «Анналы». В представлении художника начала XX века

Гай Юлий Цезарь (100 – 44 до н. э.) – древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Бюст Цезаря из Национального археологического музея в Неаполе; создан приблизительно в правление Траяна (начало II века н. э.)

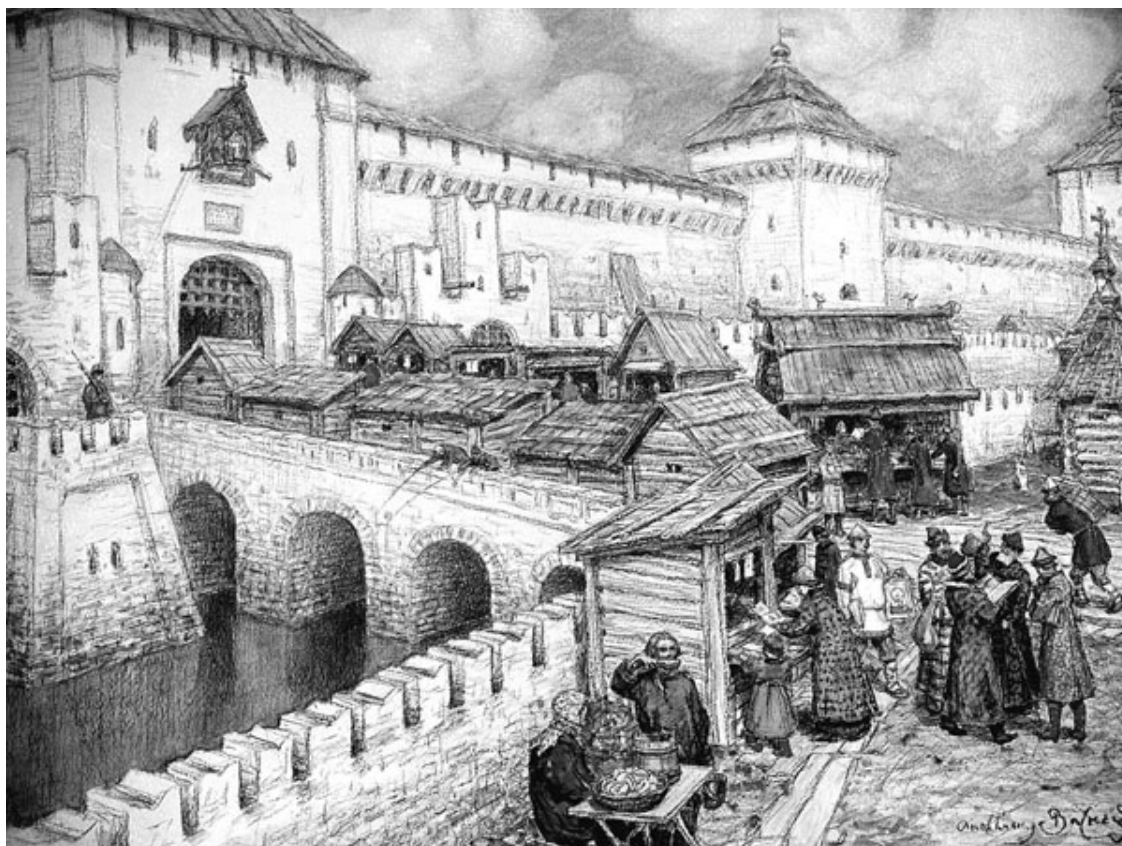
Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) – один из самых известных римских историков

Марк Туллий Цицерон 106— 43 до н. э.) – древнеримский политический деятель, оратор и философ, оставивший обширное литературное наследие, существенная часть которого сохранилась до наших дней

Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) – один из величайших поэтов Древнего Рима, прозванный «мантуанским лебедем». Бюст Вергилия у входа в его склеп в Неаполе

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. Худ. Васнецов А. М., 1902

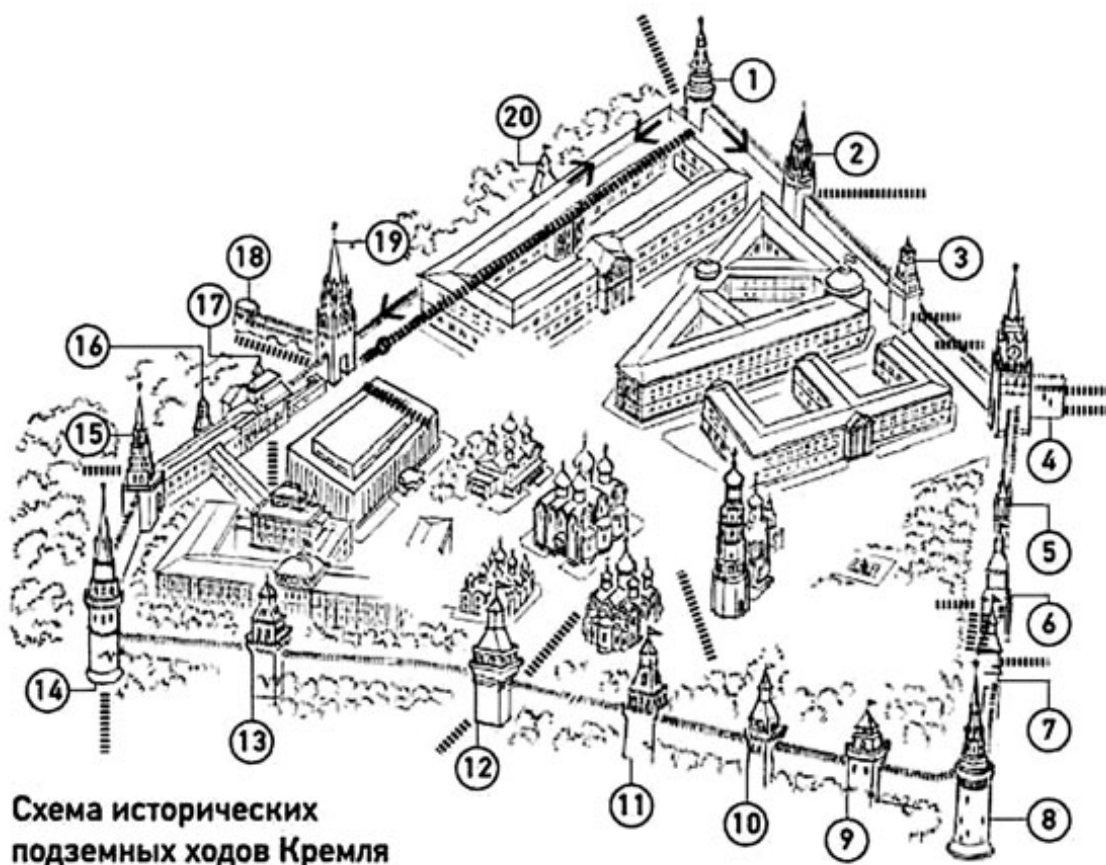

Схема исторических подземных ходов Кремля

Внутристенные проходы

Подземные ходы

1. Арсенальная (Собакина) башня	11. 1-я Безымянная башня
2. Никольская башня	12. Тайницкая башня
3. Сенатская башня	13. Благовещенская башня
4. Спасская башня	14. Водовзводная башня
5. Царская башня	15. Боровицкая башня
6. Набатная башня	16. Оружейная башня
7. Константино-Еленинская башня	17. Комендантская башня
8. Беклемишевская башня	18. Кутафья башня
9. Петровская башня	19. Троицкая башня
10. 2-я Безымянная башня	20. Средняя Арсенальная башня

Схема исторических подземных ходов Кремля

Что же это за Либерея такая? Чтобы узнать ее историю, нам придется углубиться в XV век.

Великий князь Московский Иван III Васильевич овдовел и женился на византийской царевне Софье Палеолог. За бедной невестой якобы дали в приданое уникальную библиотеку из дворца последнего византийского императора (басилевса) Константина XI. (Софья была его племянницей). Константин, как известно, погиб во время взятия Константинополя турками. И если мы проследим дальнейший ход событий, то легко убедимся, что Либерея Ивана Грозного не более чем миф, веками будоражащий воображение дилетантов, а некоторыми профессиональными историками довольно успешно использовавшийся в собственных целях. Подтвердить этот тезис можно весьма убедительными фактами.

Софья Палеолог (ок. 1455–1503) – великая княгиня московская, вторая жена Ивана III, мать Василия III, бабушка Ивана IV Грозного. Реконструкция по черепу, С. А. Никитин, 1994 г.

Иван III Васильевич. Гравюра из «Космографии» А. Теве, 1575 год

Хорошо известно, что Константинополь турки взяли после кровопролитного штурма в мае 1453 года. Софье Палеолог тогда было 12–13 лет. А в Москву она приехала только в 1472 году. Где же она почти 20 лет хранила Либерею? Тем более что в момент падения Константинополя она вообще не находилась в городе. В Италию Софью привез отец Фома Палеолог, деспот Морей и младший брат императора.

Фома Палеолог (1409–1465) – византийский деспот Мореи (1428–1460); после гибели во время осады Константинополя старшего брата, императора Константина XI Палеолога, стал законным наследником византийского престола; отец жены Ивана III, великой княгини московской Софии Палеолог, дед Василия III и прадед первого царя всея Руси Ивана IV Грозного. Фрагмент фрески Пинтуриккио, посвящённой прибытию папы Пия II в Анкону; Сиенский собор

Древний Константинополь

Конечно, теоретически можно предположить, что библиотеку заранее эвакуировали в Морею... Только непонятно, чем Пелопоннес был надежнее Константинополя? Ведь в случае падения столицы, судьба полуострова была бы решена, хотя он и получил отсрочку на 7 лет. Зато потом турки вообще заняли его без боя. Но Константинополь, одна из сильнейших крепостей той эпохи и духовный центр православия, имел хоть какие-то шансы устоять перед турецким натиском при том, что значительная часть защитников дралась бы с воодушевлением, защищая от мусульман православные святыни. Морейский же полуостров не имел ни мощных укреплений, ни гарнизона, ни сильного военного флота, и защитить его в принципе было невозможно. Поэтому прятать там библиотеку и другие сокровища не было никакого смысла: они все равно очень скоро попали бы в руки турок. По логике подобных рассуждений, библиотеку надо было бы еще до осады Константинополя вывести в безопасную Италию, но вряд ли бы император, надеявшийся все же отстоять Константинополь, выпустил бы из своих рук это бесценное сокровище. Тем более что казну и прочие богатства из Константинополя накануне осады никто не вывозил. Почему же он должен был сделать исключение для Либереи? Да уж если бы и стал император все-таки эвакуировать библиотеку, он бы сразу передал или своим пусть и не очень надежным союзникам – генуэзцам и венецианцам или Папе Римскому как духовному авторитету западного мира, и совершенно не нуждался для этого в посредничестве своего брата.

Вступление Мехмеда II в Константинополь. Худ. Жан-Жозеф Бенжамен-Констан

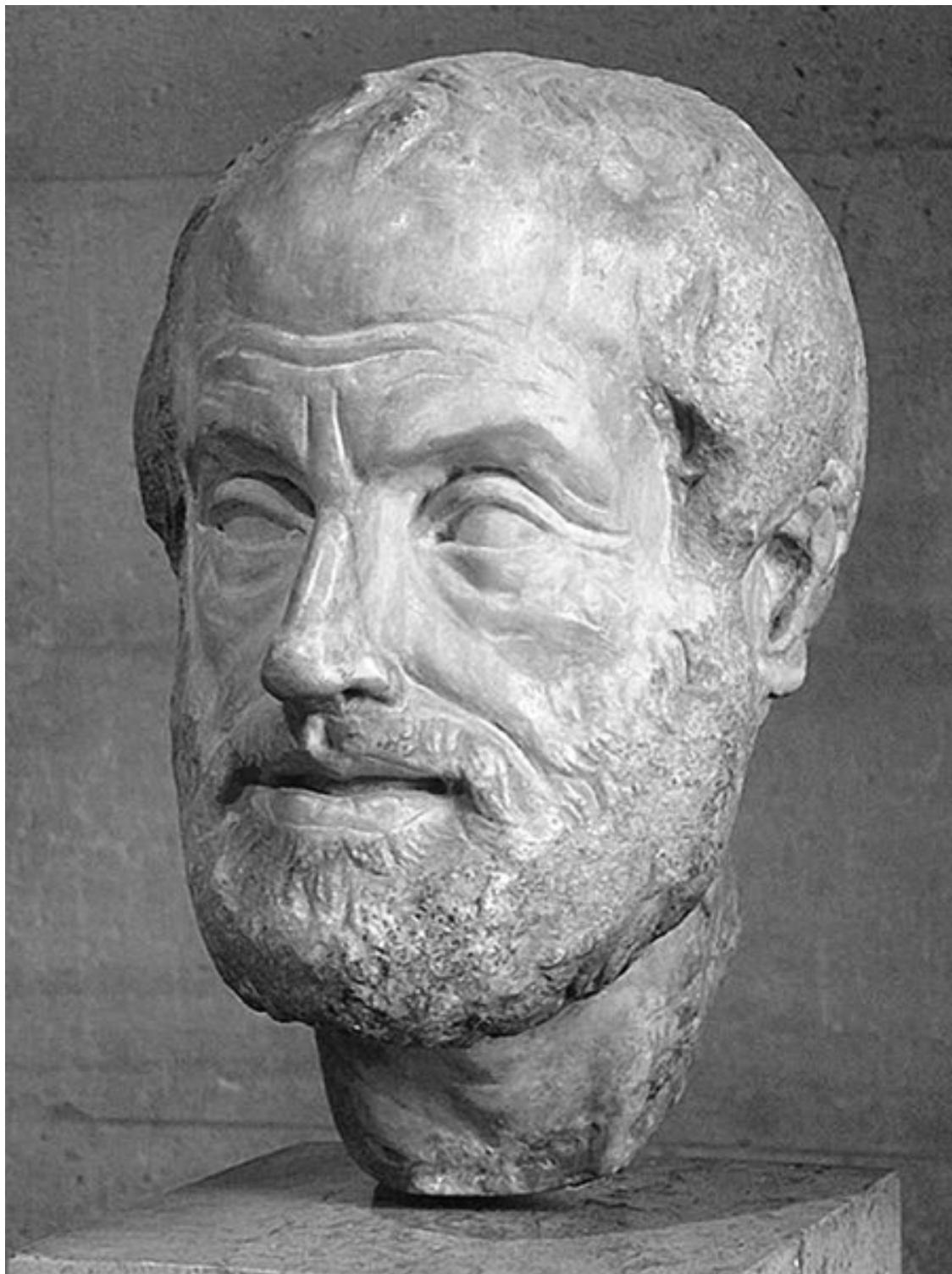

Султан Мехмет II, также известный как Магомет Великий, Магомет Завоеватель (1432–1481)

Всего в Константинополе было три библиотеки – Императорская, Патриаршая и Публичная. Последнюю мог посетить любой горожанин. После штурма 29 мая 1453 года султан Мехмет II отдал город своим войскам на трехдневное разграбление.

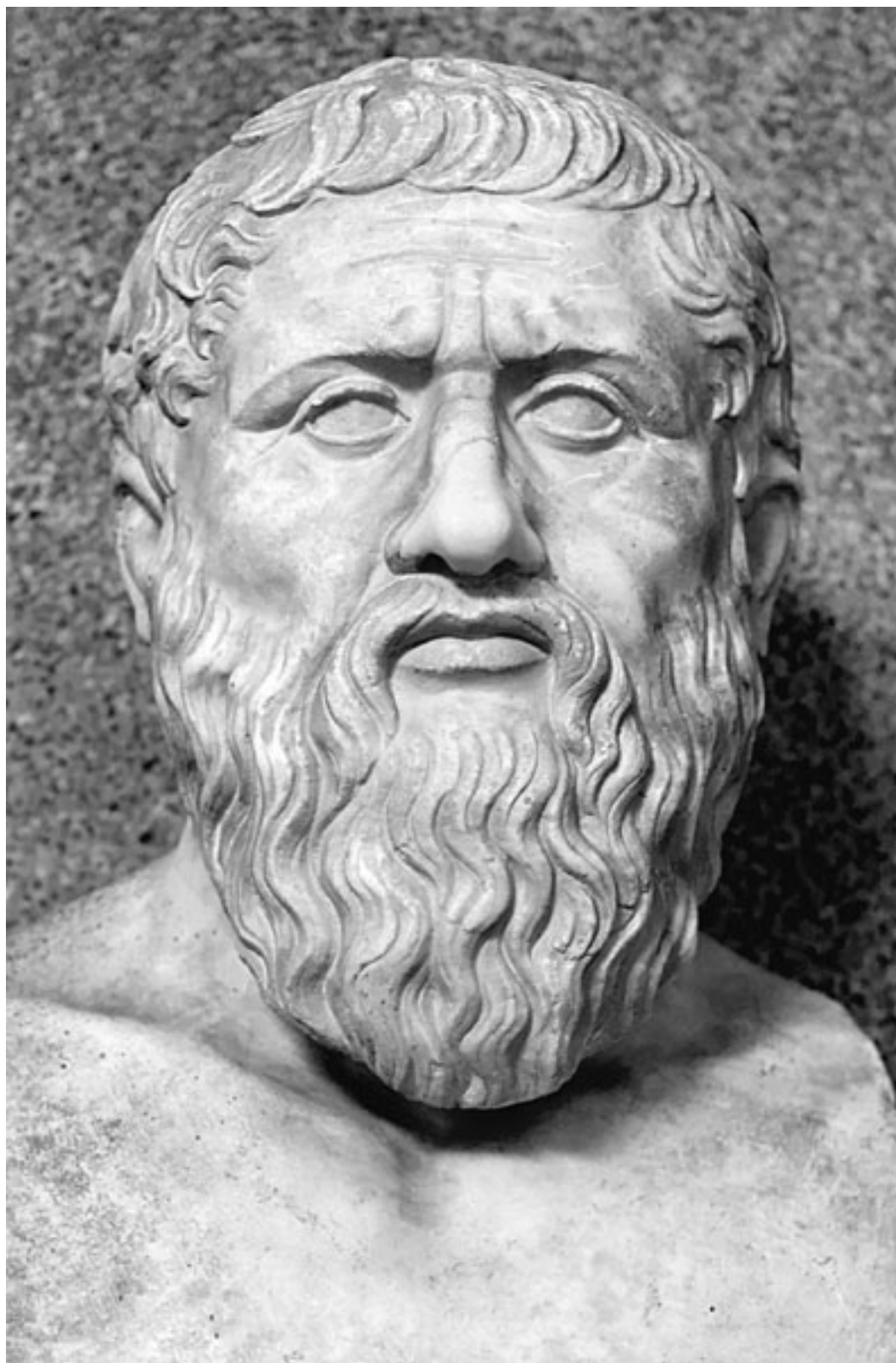
Историк Дука Византийский писал: «Спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, – неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Многоценная одежда; сосуды – серебряные, золотые, медные, оловянные».

ные; книги свыше числа... Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили».

Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ, создавший всестороннюю систему философии, охватившую все сферы человеческого развития: социологию, философию, политику, логику, физику

Наверняка такая участь постигла и книги из Императорской библиотеки.

Платон (428 или 427 до н. э. – 348 или 347 до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля

Когда в 1460 году турки заняли Морею, Фома Палеолог с семейством перебрался из Пелопоннеса на северный греческий остров Керкира (Корфу), а затем в Рим. Там коллегия

кардиналов выделила ему жилье и средства на пропитание. Источники упоминают, что на своих кораблях Фома вывез в Италию мебель и посуду, но о книгах летописи хранят дружное молчание. В Италии Софью Палеолог и ее семейство взял на содержание Папа Римский Пий II, от которого, равно как и от его преемника Павла II, в конце концов устроившего ее брак с московским князем, никак не удалось бы утаить существование Либереи и который вряд ли бы позволил увозить ее из Италии куда бы то ни было. Скрывать же существование великой библиотеки смысла не было. Наоборот, о ее чудесном спасении надо было бы возвестить всем христианам мира.

Папа Римский Пий II

Папа Римский Павел II

Умер Фома Палеолог в 1465 году. Вскоре скончалась и его жена Екатерина Заккария. Софья получила в Риме новое имя Зоя, приняв католичество, и вместе с братьями осталась на попечении святого престола.

По преданию, Фома Палеолог спас от турок великие реликвии христианства – голову апостола Андрея Первозванного и безымянный палец Иоанна Крестителя. Голова ныне хранится в Риме в соборе Святого Петра, а палец – в церкви Марии Сиенской. За это папа будто бы и платил Фоме пожизненную пенсию. Правда, современные этим событиям источники о

данном факте умалчивают, и не очень понятно, каким образом реликвии попали к Фоме. Но вот что не вызывает сомнения, так это то, что и в Италии денег семейству Палеологов хронически не хватало и что Фома постоянно жаловался на безденежье. Продажа пары фолиантов из императорской библиотеки легко решила бы все его финансовые проблемы. Любые рукописные книги в те «допечатные» времена были очень редки и дороги, а их переплеты и обложки инкрустировались драгоценными камнями и золотом и ценились порой больше, чем содержащиеся в них тексты (сегодня, конечно, ситуация была бы обратной: уникальные античные и средневековые тексты стоили бы на порядок больше самых дорогих обложек).

Собор Святого Петра в Риме, где хранится голова апостола Андрея Первозванного, спасенная от турок Фомой Палеологом

У римских пап были большие сложности с тем, чтобы пристроить Софью (Зою) замуж. Никто из приличных женихов королевской крови не горел желанием брать бесприданницу из рода императоров в бозе почившей Византийской империи.

Святой престол трижды пытался выдать Софью замуж, и все неудачно. А вот если бы ее приданым была Либерея, проблема решилась бы в одночасье. Только овдовевший в 1467 году великий князь московский Иван III после нескольких лет переговоров согласился взять бесприданницу.

Путь Софьи Палеолог на Русь был долг и проходил по маршруту Рим – Нюрнберг – Любек – Псков – Москва. Он начался 24 июня 1472 года, а закончился 12 ноября того же года. Это путешествие подробно описано в западноевропейских летописях, и никакие подводы с книгами там не фигурируют. Всего в обозе было 70 подвод. Если библиотека действительно насчитывала более 800 фолиантов, под нее пришлось бы занять едва ли не все подводы.

А ведь на них помещалась утварь и многочисленная свита. Софью сопровождали римские священники и отряд папских солдат. Когда обоз прибыл в Москву, местное православное духовенство хотело устроить диспут о вере с легатом Бонумбре, присланным папой Сикстом IV, но тот отказался, сославшись как раз на отсутствие под рукой необходимых книг. Если бы обоз вез в Москву Либерею, такая отговорка выглядела бы издевательством.

Но те, кто и сегодня искренне верит в существование Либереи, готовы зачислить в ее состав едва ли не все письменные сокровища древности. Вот что пишет, например, один из энтузиастов: «Тридцать тяжелых подвод, груженных сундуками с книгами, следовали за византийской принцессой через всю Восточную Европу. В этих сундуках, как свидетельствуют современники, хранились не только рукописные сокровища времен античности, но и лучшее из того, что удалось спасти при пожаре знаменитой Александрийской библиотеки. Из дворца базилиевса в Константинополе в Москву были отправлены самые редкие папирусы времен египетских фараонов, глиняные клинописные таблички месопотамских царей, пергаменты из Финикии и Иудеи, рукописи мудрецов Индии и Китая и священные тексты Заратустры». Но в XV веке никто в мире не мог прочесть ни вавилонской клинописи, ни египетских иероглифов, так что соответствующие тексты не представляли никакого интереса для византийских императоров и они никогда не стали бы хранить их в своей библиотеке. Да и индийские и китайские рукописи были бы абсолютно бесполезны в Византии из-за незнания языков, поэтому в императорской библиотеке их бы хранить не стали.

Медведчики (развлечение). Старая Москва. Худ. Васнецов А. М., 1911. Такой увидела Москву византийская принцесса Софья Палеолог

По преданию, Софья (Зоя) Палеолог, выяснив по приезду в Москву, что столица деревянная (византийская принцесса, вероятно, думала, что третий Рим от второго Рима (Кон-

стантинополя) не сильно отличается и что все москвичи живут в каменных домах), и беспокоясь не столько о себе, сколько о библиотеке, тотчас выписала из Италии знаменитого художника и архитектора Аристотеля Фиораванти и велела ему перестроить белокаменный Кремль, а под ним сделать тайник для Либереи. Там и должна была храниться библиотека. А к ней из царских покоев должен был вести тайный ход, чтобы царь в любой момент мог иметь под рукой нужную книгу. Правда, ни Иван III, ни его потомки на языках, на которых были написаны книги Либереи, читать не умели, так что книги им были без надобности, а посылать туда дьяков-толмачей прямо из царских покоев как-то странно Проще было поселить таких дьяков рядом с библиотекой и требовать у них по мере необходимости нужные справки.

При Иване III Московский Кремль обрел знакомый нам облик. Худ. Васнецов А. М.

На самом деле великого князя обратиться к помощи итальянского мастера заставило одно печальное событие, никак не связанное тем не менее с московскими пожарами. В 1474 году в Московском Кремле произошла ужасная катастрофа: рухнул почти построенный новый Успенский собор. Псковские мастера, осматривавшие обрушившееся здание, сделали вывод, что во всем виноват плохой раствор. Строители собора Кривцов и Мышкин возобновлять работы отказались, и великокняжеский посол Семен Толбузин был по совету Софьи Палеолог немедленно отправлен в Италию за подходящим специалистом. Там он и нашел Фиорованти, которого только что выпустили из римской тюрьмы, куда он попал по обвинению в изготовлении и сбыте фальшивых денег. Обвинение, к счастью для Фиорованти, не подтвердилось, иначе Кремль строил бы кто-нибудь другой, потому что фальшивомонетчикам, по обычаям того времени, заливали горло расплавленным свинцом, из-за чего они отдавали Богу душу, хотя, как сетовал позднее другой герой нашей книги, Яков Брюс, делали это недостаточно быстро и слишком мучительно. В итоге итальянский зодчий, подписав контракт, выехал в 1475 году в составе русского посольства Москву. Но в Кремле он построил только Успенский собор. Правда, есть предположения, что именно Фио-

рованти, знаменитому мастеру фортификационных работ, был заказан генеральный план новых стен и башен Кремля, которые планировалось возвести вместо обветшавших белокаменных (которые, кстати сказать, были ничуть не более пожароопасными, чем позднейшие краснокаменные). Также Фированти приписывают устройство Пушечного двора (на месте нынешней Пушечной улицы). Но никаких прямых подтверждений, что Фиорованти действительно составил план перестройки Кремля, в том числе и разветвленных подземных галерей, нет. Помимо строительства Успенского собора, итальянский архитектор, как позднее Брюс, был начальником артиллерии русской армии, в том числе и во время похода Ивана III против Великого Новгорода.

Успенский собор

Василий III Иванович

Так что строительство нового Кремля в конце XV – начале XVI века, при ближайшем рассмотрении, оказывается никак не связанным с Либереей.

Существует предание, что сын Ивана III и Софьи Палеолог Василий III Иванович привлёк для перевода имеющихся в Либереи книг монаха Максима Грека. Переводя «Толковую Псалтирь», он будто бы заодно сделал и опись других книг Либереи. Это отражено в «Сказании о преподобном Максиме Философе». На него часто ссылаются сторонники версии о существовании кремлевского тайника с библиотекой. Но вот беда, сам Максим ни в одном из своих сочинений, которых набралось на три увесистых тома, ни словом не упомянул о Либереи. А сочинение неизвестного автора «Сказание о преподобном Максиме Философе, иноке со святой горы Афон» появилось примерно через сто лет после смерти своего героя, в конце XVI – начале XVII века. Там утверждается, будто Василий III решил составить опись книг,

которые его мать привезла на Русь. Но книги были на неведомых языках, и прочитать их никто не мог. Поэтому Василий попросил Константинопольского патриарха прислать «ученого человека». Прислали афонского монаха Максима Грека, которому в Москве и были предъявлены книги из византийской библиотеки. А чтобы ученый монах не разболтал этот секрет в Европе, его потом так и не отпустили из страны.

Афонский монах Максим Грек, якобы переводивший книги из знаменитой Либереи

На самом деле монах Максим, по прозвищу Грек, приехал в Москву по приглашению великого князя Василия III в 1516 году. Задача, однако, у него была вполне конкретная: перевести с греческого языка только одну книгу – «Толковую Псалтырь», и ни о какой Либерее

речи не шло. Максим нашел массу разночтений оригинального текста Псалтыри с теми списками, которые ранее ходили на Руси. Московскому духовенству это не понравилось. А еще больше не понравилось, что Грек активно проповедовал идею нестяжательства – «бедной, но чистой церкви». Приезжий инок публично обвинял православных иерархов и настоятелей монастырей в стяжательстве, и его проповеди приобрели значительную популярность. И совсем уж верхом нахальства показалось православным иерархам осуждение Максимом Греком самого великого князя Василия III за то, что тот развелся с первой женой и собрался вступить в новый брак. В результате от «книжного дела» вольнодумца отлучили и заточили в монастыре, обвинив в ереси, шпионаже и неповиновении властям. Ни о каком переводе книг из Либереи речи вообще не заходило, и никто Греку никаких книг, кроме «Псалтыри», не предъявлял. И из страны его не отпустили исключительно из-за крамольных речей, а совсем не для того, чтобы скрыть сам факт наличия в Москве знаменитой библиотеки византийских императоров. Скрывать наличие у них Либереи не было никакого смысла ни Ивану III, ни Софье Палеолог, ни Василию III, ни Ивану IV Грозному. Наоборот, имея в своем распоряжении эту библиотеку, русские великие князья и цари вообще должны были кричать об этом на весь мир. Ведь данный факт стал бы серьезным подспорьем для теории Москвы – Третьего Рима, официальной доктрины Московского государства в XVI веке. Она, как известно, была сформулирована в начале XVI века монахом Филофеем, который писал: «Два убо Рима падоша. А третий стоит. А четвертому не быти». При желании можно было бы нанять переводчиков с латыни и греческого в той же Италии, как нанимали там архитекторов и художников или как нанимали в Германии ремесленников и специалистов по военному делу. Скрывать от мира библиотеку, повторим, не было никаких причин. Ведь этот факт способен был только существенно повысить престиж Русского государства.

Что показательно, ни в одном документе XV века нет никаких сведений о том, что Софья Палеолог привезла в Москву библиотеку византийских императоров и что она вообще была хоть как-то связана с этой библиотекой.

Но, что характерно, греческим послам, приезжавшим в Москву незадолго до начала правления Ивана Грозного, показывали как великую реликвию одну единственную книгу, принадлежавшую Софье Палеолог. Не могли же им пускать пыль в глаза и скрывать тот факт, что в действительности этих книг у княгини было несколько сотен. Да и откуда у Софьи Палеолог могла бы взяться Либерея? Ведь, повторим, у последнего византийского императора не было никаких причин отдавать свою библиотеку ее отцу – деспоту Мореи.

Следующее упоминание Либереи относится ко времени сразу после Ливонской войны. Во время этой войны в Россию привезли пленных ливонцев и расселили по разным городам, в основном во Владимире. Их будто бы сопровождал пастор Иоганн Веттерман из Дерпта. Царь встретился с ним в Александровой (Александровской) слободе и предложил заняться переводом древних книг на русский язык. И похвалился перед ливонцем своей Либереей, о которой в Европе ходили легенды. Веттерман был потрясен редчайшими книгами, которые он увидел, и даже составил их список, но от высокой чести переводить раритеты вежливо отказался, поскольку боялся, что царь заставит его заниматься переводами до самой смерти и не отпустит на родину.

Приключения Веттермана были описаны в начале XVII века, но не им самим, а рижским бургомистром Францем Ниенштедтом в его «Ливонской Хронике» через 30 лет после возвращения пастора на родину. Здесь приведен рассказ пастора, переселившегося из завоеванного Дерпта в Москву. Пастор был человеком образованным, благочестивым, знавшим несколько языков, в том числе и греческий. «Его, как ученого человека, очень уважал Великий князь, который даже в Москве велел показать ему свою Либерею – библиотеку, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую Великий князь в древние времена получил от константинопольского Патриарха, когда москвит принял хри-

стианскую веру по греческому исповеданию. Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах».

Эту легенду опроверг еще в конце XIX века известный российский историк Сергей Белокуров. В XVI веке имена всех иностранцев, встречавшихся с царем, заносили в особые списки. Никакого пастора Веттермана там нет, как нет и никаких данных, что такой человек действительно посетил Москву. Если Иоганн Веттерман и побывал тогда на Руси, то, вероятно, все время находился во Владимире.

Как раз к началу XVII века в Европе начали распространяться слухи, что на Руси, возможно, находится библиотека византийских императоров. К тому времени Москва активно заявляла о себе как о «третьем Риме»: только что окончилась Ливонская война – первая, хотя и неудавшаяся попытка Ивана Грозного вмешаться в европейскую политику. В Европе было хорошо известно о том, что московские цари являются потомками византийской принцессы. Отсюда и вытекало чисто логическое предположение, что в Москве может находиться библиотека византийских императоров, о судьбе которой ничего не было известно со времен падения Константинополя. Многим ученым людям хотелось верить в ее чудесное спасение. Но их тут же постигло разочарование. Папский Нунций Петр Аркудий, приехавший в Россию в 1600 году для поиска греческих и латинских рукописей, могущих представлять интерес для Ватикана, попытался проверить слух о «Либерее Ивана Грозного». Однако очень скоро он пришел к выводу, что ее никогда и не существовало, «поскольку русские князья отличались своей необразованностью». В Европе с тех пор страсти по Либерее поутихли.

Тем не менее до сих пор некоторые олссийские исследователи полагают, что список Веттермана был найден в 1822 году, когда профессор римского права Дерптского университета Христиан Дабелов попросил городские архивы Эстляндии прислать ему интересные исторические рукописи и документы. Из Пернова (Пярну) ему будто бы пришел пакет, где лежали два листочка. Текст был написан на старонемецком языке почти выцветшими чернилами. И когда профессор его прочел, то понял, что имеет дело с мировой исторической сенсацией. В 1822 году в статье «О юридическом факультете в Дерпте» Дабелов опубликовал выдержку из документа, названного им «Указателем неизвестного лица». Это был список рукописей только юридического содержания, некогда находившихся, по его словам, в библиотеке русского великого князя или царя.

В каталоге говорилось о 800 книгах, но названия были указаны не у всех. В дальнейшем выяснилось, что среди книг упоминались не только юридические, но и исторические, философские и поэтические сочинения, в том числе 142 тома «Римской истории» Тита Ливия (до наших дней сохранилось 35 томов); Цицерон, «Де республика» (сохранились отрывки) и восемь книг «Историариума» (это сочинение до сих пор неизвестно); 20 томов «Истории» Публия Корнелия Тацита (сохранились четыре тома и отрывки из пятого); «Светониевы истории о царях... Тацитовы истории. Вергилия Энеида и Итх...» «Итх...», как сразу понял профессор, – это «Итхифалеика», популярная среди современников Вергилия, но давно уже считавшаяся утерянной. Кроме известных гимнов Пиндара, библиотека содержала и другие его стихотворения, о которых не знал никто. Среди греческих книг были упомянуты «Полибиевы истории» (всего их было 40 томов, до нашего времени дошли пять; сколько было в библиотеке русского царя – неизвестно). В списке фигурировали: «Базилика, новелла конституционес. Каждая рукопись также в переплете», «Гефестионова географика», «Оратории и поэмы Кальвуса», «Юстинианов кодекс конституций и собрание новелл». Многие из перечисленных книг были частично или полностью утрачены, о некоторых ученые узнали лишь из списка Дабелова.

В отличие от пастора Веттермана, который то ли существовал, то ли был придуман Ниенштедтом, Дабелов был лицом вполне реальным и уважаемым в научных кругах. Вот что сообщалось о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Дабелов

(Христофор Христиан, барон фон Dabelow, 1768–1830) – профессор в Галле и Лейпциге; с 1819 г. профессор римского и германского права в Дерпте. Его сочинения: «Versuch einer ausführlichen Erläuterung der Lehre von Concurs der Gläubiger» (1792-93); „Geschichte sämtlicher Quellen gemeinen positiven Rechts“ (1797); „Ueber die Verjährung“ (1805—7); „Handbuch des Pandektenrechts“ (1816—18)».

Дабелов работал в библиотеках и архивах Италии и Франции, Гёттингена и Гейдельберга. Он написал: «Очерки по истории Римского государства и его права», «Историко-догматические очерки древнегерманского частного права», «Древнеримское право» и ряд других вполне академических сочинений.

Сделав копию со списка, Дабелов отправил документ обратно в Пернов. Другой немецкий профессор Вальтер Клоссиус в 1826 году приехал в Пернов, чтобы прочесть список в подлиннике, но никаких следов его не нашел. Потом Клоссиус долго и безуспешно искал Либерею в Москве.

Сообщение Дабелова, вероятно, так и затерялось бы на многие годы, если бы им не заинтересовался молодой ученый Фридрих-Вальтер Клоссиус (1795–1838). Он изучал право в Тюбингенском университете и приобрел авторитет в ученых кругах благодаря сенсационной находке в миланской Амброзианской библиотеке новых отрывков из «Юридического кодекса» императора Феодосия. В апреле 1824 года он стал ординарным профессором кафедры уголовного судопроизводства, истории, права и юридической словесности Дерптского университета и познакомился с Дабеловым, который, в свою очередь, рассказал ему об описи библиотеки русских царей. В ноябре 1824 года в письме к одному из своих коллег Клоссиус сообщал, что «существует рукописный каталог библиотеки князя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софьи, племянницы последнего греческого императора. Этот князь купил много рукописей на Востоке». Дабелов утверждал, что отослал оригинал списка обратно в Пернов. Клоссиус отправился туда, но в местном архиве ему заявили, что ни о каком профессоре Дабелове не знают и никаких каталогов царских библиотек у них нет и никогда не было.

А в 1834 году, незадолго до смерти, Клоссиус опубликовал статью «Библиотека великого князя Василия Иоанновича и царя Иоанна Васильевича». В ней была впервые была опубликована «Записка анонима» и подробный рассказ о ее находке. По утверждению Клоссиуса, Дабелов в Дерпте занимался поиском материалов по истории ливонского права и «получал с разных сторон документы, которые сообщались ему частью от разных посторонних лиц». В 1826 году Клоссиус узнал от Дабелова, что среди этих бумаг находились четыре «связки или тетради», обозначенные им как «Collectania Pernaviensia». Одна из них «была писана не одною рукою, а разными почерками, на бумаге разных форматов, большего и меньшего, и, по-видимому, состояла из документов, которые были сшиты вместе без всякого порядка». Среди этих документов, относящихся к истории Дерпта и Пярну, «находилось на 1,5 или 2 листах известие одного дерптского пастора, который имел в своих руках рукописи московского царя». Оно «было написано на простонародном немецком наречии... мелкими буквами и чрезвычайно нечетко, желтыми некрасивыми чернилами и на бумаге, также совсем пожелтелой».

В статье Клоссиус привел текст сообщения дерптского пастора, переданный ему Дабеловым:

«Сколько у царя рукописей с Востока.

Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие, но также много и латинских. Из латинских видены мною:

Ливиевы истории, которые я должен был перевести.

Цицеронова книга de republica и 8 книг Historianim.

Светониевы истории о царях, также мною переведенные. Тацитовы истории.

Ульпиана, Палиниана, Павла и т. д. Книга Римских законов. Юстиновы истории.
Кодекс конституций императора Феодосия. Вергилия Энеида и Ith.
Calvi orationes et poem.

Юстинианов кодекс конституций и кодекс новелл.

Сии манускрипты писаны на тонком пергамене и имеют золотые переплеты.

Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать.

Саллюст[ия] Югурт[инская] война и сатиры Сира. Цезаря комментарий de bello Gallico и Кодра Epithalam.

Греческие рукописи, которые я видел, были:

Полибиевы истории.

Аристофановы комедии.

Basilica и Novellae Constitutiones, каждая рукопись также в переплете.

Пиндаровы стихотворения.

Гелиотропов Gynothaet.

Гефестионовы Geographica.

Феодора, Афанасия, Lamoreti и других толкования новелл.

Юстин[иановы] зак[оны] аграр[ные]. Zamolet Matheimtica. Стефанов перевод пандектов... реч (и) и... Hydr.

...пиловы Истории. Кедр...Char и эпиграммы Nuphias Hexapod и Evt.

Такая передача списка с пропусками нерасшифрованных мест наряду с отдельными расшифрованными фрагментами слов должна была убедить научный мир в добросовестности Клоссиуса и Дабелова, сделавшего копию со списка дерптского пастора. Не должно было остаться никаких сомнений в том, что Дабелов лично держал в руках знаменитый список.

Далее Клоссиус писал, что по приезде в Дерпт в 1824 году первым делом стал искать оригинал «Рукописи профессора Дабелова», «ибо я предполагал вместе с г. профессором Дабеловым, что оный находится в архиве перновского городского совета». Однако поиски оказались тщетными: даже старые архивисты не могли припомнить указанной связки. Не значилась она и ни в одной из описей. «Осведомления мои в других местах остались без всякого успеха... я принужден был вовсе отказаться от надежды увидеть собственными глазами этот достопримечательный документ», – признавался Клоссиус.

Первым усомнился в подлинности «Рукописи профессора Дабелова» историк Н.П. Лихачев

Перечень книг библиотеки московского царя произвел сильнейшее впечатление на научную общественность. Главным было то, что в списке фигурировали авторы и произведения, не только ранее широко известные («История» Тита Ливия, «Жизнь цезарей» Светония, «История» Тацита, «Энеида» Вергилия, «Югуртинская война» Саллюстия, «История» Полибия, «Комедии» Аристофана, «Песни» Пиндара), но и малоизвестные, а то и вовсе неизвестные («О республике» и 8 книг «Истории Цицерона, «Оратории и поэмы» Кальвина, «Сатиры» драматурга Сира, «Корпус» Ульпиана, Папиана и Павла, «Gynothaet» Гелиотропа и др.).

Первым усомнился в подлинности «Рукописи профессора Дабелова» историк Н.П. Лихачев. 19 марта 1893 года, выступая с докладом в Обществе любителей древней письменности о библиотеке московских царей, он обратил особое внимание на «странную забывчивость Дабелова» насчет «Записки анонима». Подозрительным выглядело то обстоятельство, что Дабелов, имея в своих руках список, так и не предал огласке его полное содержание, да к тому же ухитрился потерять оригинал, что для столь опытного архивиста было совсем уж непростительным.

В книге, вышедшей в 1895 году, Лихачев подробно разобрал «Рукопись профессора Дабелова». Он особо подчеркнул факты, ставящие под сомнения ее достоверность. Особенно подозрительным и невероятным было то, что перечень сочинений и авторов, имевшихся, согласно «Рукописи профессора Дабелова», в библиотеке московских царей, удивительно совпадал с тем, что стало известно об этих сочинениях и авторах в зарубежной научной литературе в 1822–1826 годах. Дабелов тщательно скопировал перечень книг библиотеки, вплоть до указания многоточием непрочитанных слов и даже отдельных букв оригинала, но при этом не стал копировать начало рассказа неизвестного дерптского пастора и даже ухитрился забыть его имя. Впоследствии Дабелов лишь утверждал, что этот пастор был не Веттерман. «Самая забывчивость Дабелова относительно имени пастора, – заключал Лихачев, – с скептической точки зрения объясняется сложностью человека, знакомого, с какой тщательностью немцы разрабатывают свою историю: у немцев и пасторы XVI столетия могли оказаться на счету». Очевидно, Дабелов вообще сомневался, что пастор Веттерман существовал в действительности, подозревая, что Ниенштедт его просто выдумал. Создавая свою подделку, Дабелов, безусловно, ориентировался на сообщение Ниенштедта, но придумать новое имя пастора не рискнул.

Критику сообщений Дабелова и Клоссиуса относительно библиотеки Ивана Грозного продолжил известный русский историк Сергей Алексеевич Белокуров

Критику сообщений Дабелова и Клоссиуса насчет библиотеки Ивана Грозного продолжил известный русский историк Сергей Алексеевич Белокуров. Он обратил внимание на то, что из «Записки анонима» абсолютно не ясно, о библиотеке какого московского царя в ней идет речь. «Записка» написана таким образом, что упоминаемый в ней царь может быть отнесен не только к XVI, но даже к XVIII веку. Таким образом автор записки страховался от возможной научной критики. Во-первых, в этом случае поиски пастора, будто бы составившего записку, теряли смысл. Во-вторых, в случае, если бы лингвистический анализ выявил бы в записке какие-либо анахронизмы по отношению, например, к XVI веку, всегда можно было бы возразить, что опись могла быть написана в XVII или даже в начале XVIII века. «Весьма странно» показалось Белокурову также и то, что не сохранился ни один из

сделанных дерптским пастором переводов, о которых ни слова нет в известных источниках. Наконец, отметил Белокуров, «вселяет недоверие к рассказу» анонима тот факт, что в опись попали только редкие и известные по упоминаниям в источниках начала XIX века рукописи, хотя в царской библиотеке наверняка должны были быть и самые обыкновенные книги, в том числе богослужебные. По убеждению Белокурова, фальсификатор «Рукописи профессора Дабелова» положил в ее основу известие Веттермана, впервые опубликованное в труде историка И.Г. Арндта в середине XVIII века. Значит, подделка никак не могла быть изготовлена раньше этого времени.

По предложению Белокурова в 1895 году прибалтийские ученые обратились через газету с просьбой помочь в поисках оригинала «Рукописи профессора Дабелова». Поиски во всех архивах и библиотеках Прибалтики оказались тщетными. И С.А. Белокуров пришел к выводу, что никакой библиотеки Ивана Грозного никогда не было. Ведь хорошо известно, что в эпоху Ивана III, как и позднее, на протяжении всего XVI века, на Руси, как и в Европе, было еще довольно мало бумажных книг, как рукописных, так и печатных. В библиотеках хранились главным образом пергаментные свитки – книги, очень редкие и дорогие изделия, у каждой из которых была своя история происхождения и странствия по библиотечным собраниям. Появление же сразу сотен прежде неизвестных и нигде не учтенных раритетов в составе легендарной Либереи выглядит совершенно невероятным.

Серьезные аргументы в пользу того, что рукопись Дабелова является подделкой, выдвинул историк-архивист В.П. Козлов. Он обратил внимание, что в сообщении Клоссиуса есть хронологические неувязки. Профессор недвусмысленно признается, что по приезде в Дерпт в 1824 году его первым желанием было найти оригинал «Записки анонима». Однако из дальнейшего изложения событий следует, что сам Дабелов в 1820 году уже разыскивал его, а их совместные поиски относятся только к 1826 году, поскольку именно этим годом Клоссиус датировал описание рукописи, сделанное для него Дабеловым. Ранее же он просто не мог искать рукопись, поскольку понятия не имел, как она выглядит.

И неслучайно в первом известии Дабелова о «Записке анонима» говорится только о рукописях юридического содержания из библиотеки московского царя. Выдумать рукописи из других областей знаний, реально существовавшие, но утраченные, ему было не под силу из-за недостатка эрудиции. Зато документ, опубликованный Клоссиусом, уже содержал перечень не только юридических, но и исторических и литературных сочинений античности, что породило серьезные подозрения, что Клоссиус существенно доработал «Записку анонима» после 1822 года. Многие включенные в нее сочинения соответствуют тому, что стало о них известно в 1822 году или позже. Так, в опубликованной им описи упоминаются «Светониевы истории о царях» и утверждается, что безвестный немецкий пастор их перевел. Интересно, что еще хронист П. Иовий в своей книге о Московском царстве, изданной в 1600 году, сообщил, что русским известен перевод «Истории римских императоров», под которой явно подразумевалось сочинение Светония. В «Рукописи профессора Дабелова» упоминается «Цицеронова книга de republica и 8 книг Historiarum». Если о «Historiarum» ничего неизвестно и поныне, то о «de republica» первое известие появилось именно в 1822 году, когда были впервые опубликованы найденные фрагменты этого сочинения, и уже в следующем году появился их французский перевод. В 1825 году сообщение об этом было опубликовано в России П.И. Кеппеном, заявившим: «Мы не теряем надежды, чтобы случай, а особливо усердие почтенных соревнователей истинного просвещения не открыли нам рукописи, коею погибель можно бы почесть существенную потерю для классической литературы, а утайку – литературным преступлением».

Возникает еще один вопрос. Почему, если такое большое количество весьма ценных, но не дошедших до наших дней книг хранилось в библиотеке византийских императоров,

цитаты из них не встречаются в трудах византийских историков, в том числе придворных хронистов, наверняка имевших доступ к императорской библиотеке?

В начале XIX века наиболее полный свод известий о библиотеке был помещен в «Истории» Карамзина, в ее первых девяти томах, вышедших в 1818–1821 годах. В частности, в 9-м томе цитировался рассказ о дерптском пасторе Веттермане: «Царь отменно уважал сего добродетельного мужа (Веттермана) и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашел множество редких книг, привезенных некогда из Рима, вероятно, царевною Софиею». Карамзин наивно уверял читателей, что собирание древних рукописей имело в России давние традиции, создавая у них преувеличенное представление об уровне распространения книжной культуры в России. Причем, по утверждению Карамзина, эти традиции касались исключительно греческих рукописей. Их будто бы в больших количествах привозили греки, их охотно приобретали великие князья (не знавшие часто толком даже русскую грамоту!). Русский историк не обращал внимание на тот факт, что при дворе Софьи Палеолог как особо ценный раритет показывали единственную греческую рукописную книгу. Карамзин рассказал о том, как Василий III, желая перевести греческие сочинения, пригласил в Россию православного инока Максима Грека (на самом деле речь шла об одной только «Псалтыри»). А вот в «Рукописи профессора Дабелова» говорится, что по просьбе «царя» неизвестный пастор перевел или должен был перевести латинские книги.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – выдающийся историк, крупнейший русский литератор. Автор «Истории государства Российского» наивно уверял читателей, что собирание древних рукописей имело в государстве давние традиции, создавая у них преувеличенное представление об уровне распространения книжной культуры в России

По мнению В.П. Козлова, автор «Записки анонима», в противоположность Карамзину, стремился подчеркнуть интерес русских царей именно к латинским рукописям. Например, Карамзин сообщал, что Максим Грек увидел в библиотеке Василия III греческие рукописи в пыли, а аноним развил это утверждение в том смысле, что латинские книги, напротив,

находились в прекрасном состоянии и имели даже золотые переплеты, что указывало на особую заботу и интерес к ним.

В.П. Козлов выяснил также, что еще в XVIII веке в Европе стало известно сочинение Веспасиано да Бистиччи «Жизнеописания замечательных людей XV века». Рассказывая о жизни герцога Федерико Урбинского, автор отметил, что тот «прочел и часто перечитывал поэтов и исторические сочинения Ливия, Саллюстия, Квинта Курция, Юстина, комментарии Цезаря, которые без конца восхвалял; прочитал все сорок восемь жизнеописаний Плутарха в разных переводах; Эмилия Прода, Корнелия Тацита, Светония «Жизнь двенадцати цезарей...». Безмерно почитая латинских и греческих авторов, как духовных, так и светских, он замыслил то, что тысячу лет не замышлял ни один из государей, а именно: устроить библиотеку...». Вероятно, с этого прототипа был списан образ мудрого и могущественного московского царя, страстного коллекционера древних греческих и латинских авторов.

Федерико да Монтефельтро (1422–1482) – герцог Урбино, собравший при своём дворе большое количество деятелей искусства и науки и, вероятно, послуживший прототипом для образа мудрого и могущественного московского царя, страстного коллекционера древних греческих и латинских авторов. Худ. Пьеро делла Франческа, 1472 (Федерико потерял глаз на рыцарском турнире, поэтому всегда позировал в профиль)

Автором фальсификации мог быть только Дабелов, а его полноправным соавтором и продолжателем – Клоссиус. Наиболее вероятным мотивом изготовления поддельного списка кажется стремление убедить власти в необходимости разрешить проведение широкомасштабных археологических раскопок в Кремле с целью найти легендарную Либерею. Что-нибудь меньшее вряд ли бы убедило императора в необходимости тревожить покой кремлевских палат. Кроме того, поиски упомянутых в «записке Дабелова» рукописей были хорошим предлогом для работы во всех российских библиотеках и архивах, где можно было рассчитывать найти если и не неизвестные сочинения Тита Ливия и Цицерона, то, по крайней мере, что-то достаточно ценное. В 1824 году Клоссиус связался с главой Русской археографической комиссии графом Н.П. Румянцевым, предлагая ему «сделать путешествие по всей России и первым плодом оного издать полное описание состояния всех в России библиотек и хранящихся в них сокровищ, подобно тому, как поступил Блуме в отношении к библиотекам итальянским». Для Клоссиуса «Записка Дабелова» была средством заинтересовать российские власти возможностью находок мирового значения. И в 1825 году он действительно получил «высочайшее дозволение» на осмотр «русских хранилищ».

Нельзя сказать, что фальсификатор что-то выдумал. Как будто все факты в «записке Дабелова» правдоподобны и, в принципе, могли бы иметь место в действительности. Вполне вероятно, в частности, что многие рукописи, упомянутые в записке, когда-нибудь еще отыщутся, правда, скорее всего – не в России. Но сама концентрация в одной полторастраничной записке такого количества уникальных фактов и вызывает самые большие сомнения в ее подлинности. В то же время полная неопределенность деталей затрудняла критику этих фактов и разоблачение подделки. Особенное же впечатление на протяжении почти двух веков «записка Дабелова» производила на чиновников, не владеющих приемами исторической критики.

Добавим, что сами по себе поиски Либереи способствуют облагораживанию облика царя Ивана Грозного, будто бы осознавшего исключительную ценность библиотеки и позаботившегося о ее надежном сохранении для грядущих поколений. Творец опричнины якобы сознавал, что современникам библиотека пока что принесет немного пользы (мало кто тогда в Московской Руси знал латынь и греческий), зато потомки, освоив языки, сполна реализуют этот духовный золотой запас. Придерживающиеся этой точки зрения историки обыкновенно аттестуют предполагаемого владельца Либереи блестящим писателем и мыслителем своего времени (так и пишут: «начитанный интеллигентный царь, один из умнейших и добрейших людей своего времени» – так и хочется, чтобы автор попал в руки опричников: они бы показали ему «умнейшего» и «добрейшего»), закрывая глаза на его злодейства. Зато другие историки именуют царя Ивана кровавым палачом и безграмотным невеждой и, как правило, сомневаются в существовании Либереи.

Князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) – русский полководец, политик и писатель; происходил из смоленско-ярославской линии Рюриковичей. В 1564 г. в разгар Ливонской войны перешёл на сторону противника и поселился в великом княжестве Литовском. Вёл с русским царём знаменитую переписку и, судя по царским письмам князю Курбскому, Иван Грозный богослужебные книги читал, хотя древних языков не знал

Судя по царским письмам князю Курбскому и другим адресатам (пусть даже письма писали писцы, а их текст могли предварительно составлять тогдашние спичрайтеры – дьяки), царь кое-какие богослужебные книги читал, хотя древних языков не знал. Ну, для этого толмачи имелись. Какая-то библиотека у царя, несомненно, была, но была ли это действительно легендарная библиотека византийских императоров, будто бы спасенной из захваченного турками Константинополя?

О существовании тайников в Кремле разговоры шли очень давно. Еще в мае 1499 года Иван III приказал итальянскому архитектору Алевизу Новому «заложити двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, а под ними погреба и ледники, на старом дворе у Благовещения...» В XVI столетии рядом с этими постройками появился дворец Ивана Грозного. От того времени дошли до нас два известия о существовании тайников. Английский посол Антон Дженкинсон свидетельствовал о том, что однажды на аудиенцию к Ивану IV его вели по тайному ходу. А англичанину Джерому Горсею Иван Грозный в 1581 году лично подарил Библию из своей библиотеки. Теперь она хранится в Британском музее.

Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. Худ. Литовченко А. Д. Джерому Горсею Иван Грозный в 1581 году лично подарил Библию из своей библиотеки

Красная площадь во второй половине XVII века. Худ. Васнецов А. М., 1925

Первые поиски Либерии в Кремле относятся к эпохе Петра Великого. В 1724 году пономарь московской церкви Иоанна Предтечи Конон Осипов написал в Канцелярию Фискальных дел в Петербурге *доношение*, где заявил, что в подземелье Кремля имеются «две палаты», заставленные до потолка сундуками с неизвестным содержимым. На них «замки вислые превеликие, печати на проволоке свинцовые; и у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворок». На допросе Осипов показал, что узнал все это от дьяка Василия Макарьева, бывшего при смерти. Макарьев наткнулся на хранилище во времена царевны Софьи. Тайники располагались возле Тайницких ворот, и выходил Макарьев в Круглую башню на реке Неглинной.

Сенат решил провести раскопки у Тайницких ворот на Житном дворе, на площади против Иностранной коллегии, напротив колокольни Ивана Великого, у Цейхгаузской стены в Круглой башне, в Тайницких воротах. Петр I, интересуясь древностями для Кунсткамеры, повелел Осипову найти сей ход. Ничего достойного внимания не нашли. Через 10 лет Осипов опять обратился в Сенат, попросив денег и 20 рабочих-арестантов. Но тут обнаружили, что пономарь скрыл факт первых раскопок, а в своей церкви еще и проворовался, и надеялся казенными деньгами покрыть недостачу. Раскопки запретили, Осипова наказали, о тайниках забыли.

Тайницкая башня

Теремной дворец

Стоит отметить, что напрямую о библиотеке во время этих поисков речь не шла. Не исключалось, что в сундуках, будто бы виденных Макарьевым, могут находиться золото, драгоценности или посуда, а не только книги.

В конце XIX века немецкий филолог Эдуард Тремер из Страсбурга с разрешения императора Александра III специальным зондом исследовал землю под сооружениями Московского Кремля, но ничего достойного внимания не нашел. Он только высказал надежду, что палаты с книгами располагались в подземной части ныне существующего Теремного дворца. Последний был построен в 1635–1636 годах на основе палат Ивана IV. Уезжая из России, Тремер сказал: «Наука отблагодарит Россию, если ей удастся отыскать свой потерянный клад». Он обнаружил останки дворца Василия III, но не нашел подземных ходов. Тремер первым высказал мысль, что книги хранятся под землей, поскольку следов Либереи не нашлось ни в одном российском архиве. Так что найти ее можно было либо под землей, либо замурованной в какую-то из кремлевских построек. Но стены ломать в Кремле археологам вряд ли разрешили бы, так что оставалось уповать на подземную археологию. Но для раскопок на территории Кремле тоже требовалось разрешение первых лиц государства.

Директор Исторического музея князь Щербатов (1853–1929)

Троицкая башня

Летом и осенью 1894 года тайник искал директор Исторического музея князь Щербатов. Он вскрыл пол в Благовещенском соборе, искал подземелья под Грановитой палатой, Тайницкой и Боровицкой башнями. Князю удалось найти только старые подвалы с хозяйственной утварью. Он раскопал двухъярусные подземелья под Троицкой башней, расчистил от глины и мусора тайный ход, соединяющий Угловую Арсенальную и Никольскую башни,

а также подземный ход и такую же палату, случайно найденные у Никольской башни, но продолжению раскопок помешала смерть Александра III, разрешившего раскопки. Николай II, в отличие от своего отца, интереса к поискам Либереи не проявил, возможно, потому, что сильно сомневался в ее существовании.

Угловая Арсенальная башня

Никольская башня

Подземелья под Грановитой палатой

Благовещенский собор

Боровицкая башня

В начале XX века поисками Либереи занялся киевский археолог-энтузиаст Игнатий Яковлевич Стеллецкий. В 1907 году он поступил в Московский археологический институт, а в дальнейшем стал действительным членом Императорского русского военно-исторического общества и Императорского московского археологического общества. Игнатий Яковлевич много занимался изучением церковной старины Москвы.

Стеллецкий Игнатий Яковлевич (1878–1949) – выдающийся российский и советский археолог, историк, исследователь подземной Москвы, зачинатель диггерского движения в России

В 1909 году Стеллецкий обследовал подземные ходы в Донском и Новодевичьем монастырях и ряда зданий XVI–XVII веков. Он составил план подземной Москвы, исходя из идеи, что все подземные сооружения под зданиями XVI–XVII веков в пределах Садового кольца связаны между собой и с Кремлем сетью лабиринтов. По мнению Стеллецкого, «из царских теремов, где-то из подвала, был спуск в подземелье, в царскую казну. Входной люк в подземелье вскоре после смерти Грозного был, видимо, заделан, навсегда затерян и забыт... Из теремов ход вел в царскую казну – большую подземную палату, в какую расширялся тоннель между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение, на что указывает архивная терминология «с двумя сводами» и факт существования двойных палат под Кремлем, например, под Троицкой башней, где из нижнего яруса ведет подземный ход под Кремль.... От библиотечной палаты ход направлялся в два противоположных конца: к Тайницкой и Собакиной башням. У последней выход вел в старый Точильный ряд, на берегу Неглинки, имея, кроме того, ответвление под Никольскую башню и направляясь отсюда под Исторический музей в Китай-город».

Собакина башня

Другие археологи в это не верили, и не без оснований. Трудно поверить, что русские цари в то время тратили бы столько сил и средств на затею, не имевшую какого-либо практического значения. До метро ведь было еще 300–400 лет.

Вид на соборную площадь Московского Кремля. Худ. Джакомо Кваренги, 1797

Библиотекой Грозного Стеллецкий заинтересовался еще в 1908 году. Он собрал все материалы, имевшие отношение к библиотеке Ивана Грозного и поверил, что Либерея существует. И в ее поисках по кремлевским подземельям прошел дальше своих предшественников и в прямом, и в переносном смысле, но практически ничего не нашел. Вернее, нашел на удивление мало. Эти раскопки нашли отражение в ярком и эмоциональном дневнике Стеллецкого, одержимого убежденностью, что Либерея существует, что она где-то в Кремле, совсем рядом, что до нее буквально рукой подать. Поэтому мы подробнее остановимся на истории его раскопок, опираясь главным образом на книгу журналистки и историка Т.М. Белоусовой «Тайны подземной Москвы».

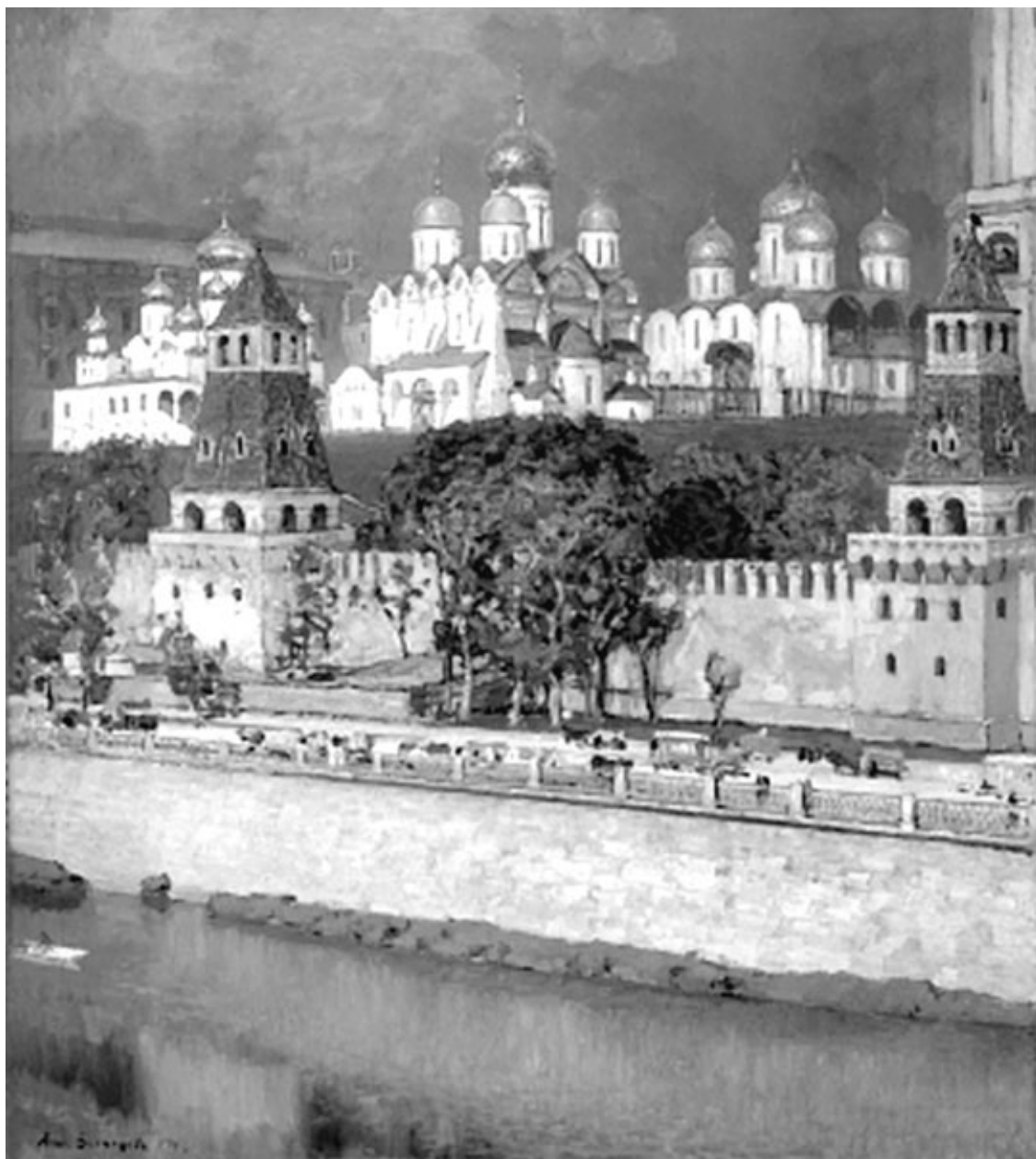
В 1913 году Стеллецкий ездил в Пярну и будто бы нашел там знаменитый список Дабелова, да еще с подписью W (Веттермана?). Ученый впоследствии утверждал, что, готовясь в 1913 году к XV Археологическому съезду в Новгороде, нашел в Пернове связку документов, содержащую «записку Дабелова» и «лично просмотрел всю опись».

Вот только сфотографировать его у ученого почему-то не нашлось денег, и он просто переписал его от руки.

Архангельский собор

Мы далеки от того, чтобы подозревать Стеллецкого во лжи. Вполне возможно, что он видел список, выполненный в свое время Дабеловым и Клоссиусом. Выдавать свою подделку за подлинник им было невыгодно, поскольку она вряд ли бы выдержала сколько-нибудь серьезную палеографическую экспертизу: профессора ведь отнюдь не были мастерами подделок. Маловероятно, что Стеллецкий эпизод с находкой придумал, чтобы получить весомый повод для раскопок в Кремле. Игнатий Яковлевич в целом производит впечатление увлекающегося, но честного ученого, не способного на фальсификацию. И он, безусловно, был убежден, что «записка Дабелова» подлинная и Либерея действительно существует. А поскольку сомнений у него не было, то он поспешил от руки скопировать документ, вместо того чтобы преодолевать все сложности, связанные с его фотосъемкой. Подвергать документ палеографической экспертизе ученый явно не собирался. Наверное, Стеллецкий верил, что теперь драгоценный список никуда больше не исчезнет. Он не мог предположить, что через какие-нибудь пять лет Эстония станет независимым государством, и доступ в Пярну для него будет закрыт. Когда же после Второй мировой войны Эстония оказалась включена в состав СССР, никаких следов «рукописи Дабелова» в местных архивах и библиотеках не было обнаружено. Однако ее исчезновение теперь вполне можно было списать на последствия войны.

Московский кремль. Соборы. Худ. Васнецов А.М.

В 1912 году Стеллецкий сделал доклад «План подземной Москвы», где доказывал, что создатели московского Кремля – зодчие Фиорованти, Солари, Алевиз – нашли неолитические пещеры в кремлевском холме и на их основе устроили систему подземных ходов, связавших самые разные постройки Москвы. Правда, никакими документальными свидетельствами это подтвердить не удалось. Да и сомнительно, что итальянские архитекторы в XV–XVI веках занимались масштабными раскопками. Они слишком ценили и собственное время, и средства, выделенные на проведение работ. Конечно, в случае, если в ходе возведения фундамента они натыкались на естественную полость, то могли ее использовать для водоснабжения или тайника, но вскрыть всю систему подземных пещер в районе Кремля они, безусловно, не могли.

В 1911 году Стеллецкий пришел к выводу, что раскопки надо начинать от Угловой Арсенальной башни, поскольку ход, по которому в XVII веке прошел дьяк Макарьев, непременно приведет к заветному тайнику с Либереей. Ученый исходил из предположения, что, кроме библиотеки византийских императоров, в Кремле больше нечего было прятать. Разу-

меется, строгих научных оснований у этого предположения не было, а была только увлеченность ученого идеей великой библиотеки, по не очень понятным причинам сокрытой от мира. И уж совсем непонятно, почему подземный ход, ведущий в Кремль, обязательно должен был вести к Либерее. Ведь подземные ходы, как правило, прокладывали на случай осады, чтобы осажденные с их помощью могли сношаться с внешним миром. Но при чем здесь библиотека?

В 1912 году Стеллецкий, обследуя подвалы Арсенала, где в то время велись земляные работы, на глубине одного метра нашел кирпичный свод тайного хода, но ему не разрешили вскрыть его.

В связи с приближением 300-летнего юбилея дома Романовых археолог подал прошение на имя императора Николая II, добиваясь, чтобы ему разрешили искать в Кремле исчезнувшую царскую библиотеку. Целый год прошение ходило по инстанциям. Наконец, пришел ответ от Императорской археологической комиссии – шедевр бюрократического словотворчества: «Комиссия имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что проекту разыскания библиотеки Иоанна Грозного на средства Государственного казначейства не может быть дано дальнейшего движения вперед впредь до представления Вами сколько-нибудь точных предположений о месте, где могла сохраняться названная библиотека».

Но все-таки в 1914 году при помощи Московского архива Министерства юстиции Стеллецкий получил разрешение дворцового управления на осмотр подземелий Угловой Арсенальной и Тайницкой башен. 26 июля он приступает к работе, а спустя пять дней началась Первая мировая война, и раскопки пришлось прекратить. Из западных районов страны в Кремль спешно эвакуировалось имущество царских дворцов. Тут уж было не до поисков Либерей.

Когда в 1923 году после бурь гражданской войны Стеллецкий вернулся с родной Украины в Москву, то обнаружил, что его архив и библиотека пропали. Тем не менее он не отчаивался и не терял надежды найти библиотеку Ивана Грозного. Он устроился библиотекарем в Историческом музее и начал собирать материалы о подземном Кремле. Ученый обратился в ОГПУ, чтобы получить разрешение на обследование подземелий Москвы, и особенно Кремля. Чекисты ему ответили: «В Кремль мы вас не пустим, а вся Москва ваша... Мы его (Кремль) сами весь ископали». Однако и за пределами Кремля здания, занятые правительственными учреждениями, военными организациями, банками и т. п., были для Стеллецкого недоступны. Так что «вся Москва» не получилась. Но все же Игнатию Яковлевичу удалось найти подземные ходы в Сухаревой башне, расположенном в Б. Харитоньевском переулке Юсуповском дворце, а в бывшем замке Бирона в подвале оказались свежезаложенные арки, за которыми находился ход, предположительно выводящий в район Воробьевых гор. На месте замка сейчас – высотный дом на Котельнической набережной.

Стеллецкий читал много лекций не только в Москве, но и в других городах России, рассказывая о пещерах, подземных ходах, библиотеке Грозного. Он говорил о возможности постепенного разрушения зданий, под которыми расположены «исторические пустоты». И в дальнейшем трещины были найдены в зданиях библиотеки имени Ленина, Большого и Малого театров, «Метрополя».

Получив согласие начальника Метростроя, Стеллецкий решил создать музей «Подземная Москва». Однако метрополитен не смог выделить даже комнаты, и все экспонаты размещались в маленькой квартире Стеллецкого. Он утверждал: «Очищенная, реставрированная и освещенная дуговыми фонарями подземная Москва являла бы из себя подземный музей научного и любого интереса».

Стеллецкий верил, что подземная Москва будет еще одним великим мировым музеем, частью которого закономерно станет и подземный Кремль.

В 1924 году Стеллецкий встречался с Н. С. Щербатовым, который тогда служил комендантом в бывшем доме Археологического общества. Но получить от него фотографии подземелий Кремля и записи о раскопках, проводившихся в конце XIX века, оказалось невозможно. Вскоре после Октябрьской революции их позаимствовало «под честное слово» ЧК и так и не вернуло. Летом 1924 года в Историческом музее состоялось два диспута по поводу того, надо ли искать библиотеку Ивана Грозного? Мнения на этот счет разошлись, а вот за исследование подземного Кремля проголосовало большинство присутствовавших.

Здание Исторического музея в Москве, где летом 1924 года прошли диспуты по поводу того, надо ли искать библиотеку Ивана Грозного

Чтобы получить разрешение на раскопки в Кремле, Стеллецкий обращался в Моссовет, Наркомпрос, ЦИК, Совнарком и, наконец, в 1933 году подал докладную записку Сталину. И тот разрешил начать раскопки. Казалось, теперь-то Либерея будет найдена. Характерно, что Стеллецкий просил разрешения не на исследование подземного Кремля, а именно на поиски библиотеки Ивана Грозного.

Стеллецкий верил, что Сталин мечтает найти царскую библиотеку. Ведь эта находка, случись она, как бы делала новую власть наследницей древней византийской традиции и

давала ей в руки интеллектуальные сокровища мирового значения. Но на самом деле в большей мере власть волновали сугубо практические соображения, хотя интерес Сталина к личности Ивана Грозного и всему, что с ним связано, тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Еще в апреле 1918 года, всего через месяц после переезда советского правительства в Москву, Ленин приказал коменданту Кремля П. Д. Малькову обследовать кремлевские подземелья. Затем архитектор И. Е. Бондаренко осмотрел стены и башни, указал все найденные тайники и указал, что все они замурованы и засыпаны.

В 1920 году комендантом Московского Кремля стал Р. А. Петерсон, которого тоже занимал вопрос, нет ли каких-либо тайных ходов, по которым в Кремль могут пробраться враги. Петерсон обратился к историкам, те отвечали: за века почва перерыта, тайники перерезаны, так что попасть по ним в Кремль при всем желании невозможно.

Внимание Петерсона привлекли выступления И. Я. Стеллецкого, посвященные подземной Москве. Комендант стал знакомиться с его статьями еще до публикации и иногда накладывал вето на выход в свет того или иного материала. Впоследствии он так объяснял Стеллецкому необходимость цензуры: «Потому, понимаете сами, комендант обязан охранять Кремль, кто-нибудь подберется, взорвет...».

В 1929 году комендант из соображений безопасности приказал засыпать колодец в Тайницкой башне и замуровать ходы из нижних палат в Троицкой башне. В том же году, когда на месте уничтоженного Чудова монастыря начали строить школу красных командиров, Петерсон распорядился прорыть траншею от Спасской до Никольской башни, но никаких тайных ходов здесь не нашли. Тогда комендант предложил провести еще одну траншею от Водовзводной до Беклемишевской башни, но тут вмешался секретарь ЦИК А. С. Енукидзе, заметивший, что в Кремле и без того хватает «канав».

Наряду с реальными и мнимыми подземными ходами коменданта беспокоили весьма частые провалы почвы в Кремле. Беспокоило Петерсона и состояние ряда кремлевских зданий, в стенах которых появились трещины, что могло указывать на наличие под ними подземных пустот. А в здании Арсенала не только имелись многочисленные трещины в стенах, но и в одном из помещений первого этажа пол оторвался от стены и опустился почти на метр. Значит, под ним была какая-то пустота.

В конце октября 1933 года во дворе здания правительства во время утренней зарядки провалился на глубину 6 метров один из красноармейцев. Петерсон приказал лить в провал воду. Лили полдня, но «колодец» оказался бездонным, вода уходила неизвестно куда. Пожалуй, этот провал стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Р. А. Петерсона.

Водовзводная башня

Беклемишевская башня

Докладная записка Стеллецкого из секретариата Сталина попала к Енукидзе. Посоветовавшись с Петерсоном, он позвал в Кремль Стеллецкого. От археолога потребовали выяснить причины трещин в кремлевских зданиях, найти существующие подземные ходы, а если повезет, то заодно – и Либерею.

Стеллецкий собирался вести раскопки в Угловой Арсенальной башне, в Тайницкой и Троицкой башнях, в Успенском соборе и на Красной площади. Комендант одобрил план.

13 ноября 1933 года Петерсон попросил археолога изложить «письменно и подробно», что собой представляет подземный Кремль и где может находиться библиотека.

«Из царских теремов, где-то из подвала, — объяснял Стеллецкий свое видение подземного Кремля, — был спуск в подземелье — большую подземную палату, в какую расширялся ход (тоннель) между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами. Палата была наполнена ящиками с книгами, под нею имелось нижнее помещение (Веттерман говорил о подвалах с «двойными сводами», таковые в Кремле были встречены под Троицкой башней, из нижнего яруса подвалов шел подземный ход в Кремль.)... От библиотечной палаты ход направлялся в два противоположных конца: к Тайницкой и Собакиной (Угловой Арсенальной) башням.

Воротам наземным из Кремля соответствуют подземные: под Москву-реку из Тайницкой башни, в Китай-город из Спасской башни (через храм Василия Блаженного), из Никольской башни под Исторический музей, в сторону Охотного Ряда и Дмитровки и к Неглинке из Троицкой башни... На первом месте должны быть поставлены и в ударном темпе исследованы башни Угловая Арсенальная, Троицкая и Успенский собор, и вот почему.

Из Угловой Арсенальной башни... идут выходы за Кремль через соседние башни — Никольскую и Троицкую. Из этих двух в качестве первоочередной необходимо избрать Троицкую, так как из нее... должен быть выход в Занеглинье. В наличии такого хода не сомневался и Щербатов в 1894 году. За наличие здесь последнего говорит, наконец, и решение Ивана Грозного «осесть опричным двором» как раз напротив Троицкой башни. Очевидно, ее готовым тайником к реке, а не под нее, собирался воспользоваться Грозный. Под самую Неглинку, на соединение с каменным ходом, ведущим к реке, деревянный подземный ход наспех соорудил уже сам Грозный. Признаки этого хода мною обнаружены были в трех местах по линии его прохождения на месте бывшего Опричного двора (на углу Воздвиженки и Моховой. — Б. С.) к Троицким воротам... По этому ходу Грозный мог тайно проходить с Опричного двора не только до библиотечной палаты и своего кремлевского дворца, но и до самого Замоскворечья...»

Раскопки в Угловой Арсенальной башне начались 1 декабря 1933 года. Так как вход в подземелье был замурован, спускаться пришлось через пролом в стене, устроенный еще Кононом Осиповым. В подземелье под грудами земли и мусора нашли полуразвалившийся колодезный сруб. На дне подземного хода, по которому удалось пройти только 5 метров, стояла вода.

Стеллецкий предположил, что ход из Угловой Арсенальной башни был перерезан одним из столбов Арсенала, на которых покоится его фундамент. Начав пробивать этот «столб», Стеллецкий увидел, что свод подземного хода не поврежден. Как оказалось, тайный ход просто был заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Пока рабочие выламывали эти глыбы, археолог пытался разгадать, что же находится за другими замуровками, найденными в башне.

«Если подходить строго научным путем к делу, — писал он, — непременно нужно все и все размуровывать. Когда это строилось, то имело прямой смысл; потом оказалось лишним или ненужным, и его замуровали. Если замуровано самое простое окно, будем, по крайней мере, знать, что окно. А если там таинственные ступени или какая-нибудь другая чертовщина? Ведь дело имею со средневековьем, в котором тайн было хоть отбавляй! Кто гарантирует, что не закрыл все эти отверстия 70 лет спустя сам Грозный, чтобы скрыть какой бы то ни было доступ в подземелья Кремля, в которых замуровано было им наибольшее в свете сокровище культуры — библиотека?»

Вскрытие замурованных помещений никаких сенсаций не породило. Только в южной стене башенного подземелья обнаружили коридор, выводивший в Александровский сад (в древности там была бойница «нижнего боя», а в царствование Анны Ивановны, когда подземелье башни и колодец ремонтировали, для подачи строительных материалов на месте бойницы устроили выход к реке Неглинке). Его Стеллецкий предполагал использовать для вывоза мусора.

«Имел интервью с Зиновьевым (техник гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля. – Б. С.), которому в 1928–1929 гг. поручено было с политической целью исследовать подземный Кремль. Результаты: в Арсенальной башне вычистил колодец (рабочих спускал на канате)... В Троицкой башне устроил под склады две палаты, которые раскапывал Щербатов. В нижней залил дно цементом, не зная, что оттуда есть люк в более низкую. В Тайницкой башне засыпал... большой научной ценности колодец (из него, как думал Стеллецкий, шел подземный ход под Москву-реку, в Замоскворечье. – Б. С.), который я должен очистить», – записал археолог в дневнике 1 января 1934 года.

Когда в подземном ходе замуровку выломали на 1,5 метра, открылся новый проход, из которого можно было попасть на лестницу, а по ней – на первый этаж Угловой Арсенальной башни. Стеллецкий реконструировал облик древнего башенного подземелья.

С первого этажа узкая лестница, проложенная внутри стены, вела на площадку размером в квадратный метр. В левой стене площадки была замурованная арка входа в 9-метровое подземелье, заполненное массивными белокаменными блоками. (Стеллецкий полагал, что из этого подземелья ход ведет к Никольской башне. Тогда подземелье расчистили от блоков только на 3 метра. Сейчас вход в него замурован и покрыт слоем штукатурки.) С лестничной площадки проход выводил в высокую и широкую галерею. От нее 8-метровая лестница спускалась к колодцу в подземелье башни. Ответвление этого хода (собственно это и был тот тайник, что нашел дьяк Макарьев) было замуровано.

Стеллецкий не мог дожидаться, когда рабочие сокрушат белокаменную замуровку. Он буквально не находил себе места. Ведь тайник, как он думал, вот-вот должен был повернуть вправо, к кремлевской стене, и дальше, вдоль нее, – в Кремль: «...Имеет ли этот замурованный тайник ответвление под Кремль? Если нет, то сенсационные рассказы дьяка Макарьева будут не чем иным, как пустой болтовней, на которую попались три правительства: Петра, Анны Ивановны и советское».

Стеллецкий не только сам поверил в существование хода из Угловой Арсенальной башни, но и сумел убедить в этом Сталина. В случае неудачи получалось, что он не оправдал доверие вождя. Ведь Сталин, как писал в дневнике Стеллецкий, «проявил большое мужество и великодушие и доказал лишний раз, что он действительно человек необыкновенный... Когда Октавиан Август вместо того, чтоб казнить Ирода Великого, оказал ему полное доверие, то этим он привлек Ирода к себе навеки, превратив его в наивернейшего друга. И за высокое научное и всякое доверие современного Октавиана я чувствую себя в положении Ирода, охваченного чувствами приязни и преданности самыми искренними».

Стеллецкий и не подозревал, что на самом деле Ирод – это Сталин и что избивание младенцев не за горами, причем оно самым негативным образом скажется на продолжении кремлевских раскопок.

29 января 1934 года, в день именин Игнатия Яковлевича, он получил давно желанный подарок: на шестом метре белокаменной замуровки хода справа показалась белокаменная стена с кирпичным полом. «Стена, о которой я мечтал 25 лет, найдена, я всегда был уверен, что из Арсенальной башни есть белокаменный ход под Кремль!» – торжествовал Стеллецкий в дневнике.

Поскольку ширина хода была до 3 метров, то для ускорения работ начали пробивать в замуровке брешь шириной в метр. Интересно, что далее, на протяжении 9 метров, свод

тайника был полностью разрушен. Но Стеллецкий рано радовался. Уже в феврале 1934 года раскопки были приостановлены. Причина была вполне банальная и советская по своей сути: в стране вечно чего-нибудь не хватало, в том числе и рабочих. Главный инженер гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля (УКМК) Палибин отправил занятых на раскопках рабочих на другой объект. Тогда Стеллецкий решил заняться Средней Арсенальной башней. Тут он нашел полуразрушенные ступени засыпанных земель двух полуразрушенных лестниц и «трубу» диаметром 70 см, уходящую под Арсенал. Что замечательно, этой трубы не было ни на старинных планах, ни на современных чертежах.

Лестница, как полагал Стеллецкий, некогда вела в макарьевский тайник. Назначение же «трубы» он узнал из документов кремлевского архива. Выяснилось, что в XVIII веке под Арсеналом существовал «подвал о 12 столбах». Это сооружение высотой 5 метров и площадью 500 квадратных метров тянулось от Средней Арсенальной башни почти до конца Арсенала. Его предполагали использовать для хранения боеприпасов, а подавать на кремлевскую стену их должны были через упомянутую «трубу». Однако после пожара 1741 года подвал был забит землей. Таким образом, к Либерею «труба» не могла иметь никакого отношения. В докладной записке коменданту Стеллецкий сообщал: «Восточная стена Средней Арсенальной башни плотно увязана с перпендикулярно примыкающей к ней стеной подвального помещения Арсенала, засыпанного в XVIII веке архитектором Ухтомским. Обе эти стены подмыты, опустились и оторвали значительную часть Средней Арсенальной башни». Так разъяснилась загадка просевшего пола Средней Арсенальной башни.

Объяснил Стеллецкий и появление трещин в стенах Арсенала: «Пробираясь под камнями и песком, какими заложен и забит тайник, вода по невыясненным причинам вырвалась из подземных тисков в районе Средней Арсенальной башни, поднявшись на высоту до 6 метров, судя по тому, что здесь она обнаружена раскопками на глубине всего 6 метров от поверхности Кремля. Подмыв почву под фундаментами башни и Арсенала, вода вызвала осадку последних на 30–40 сантиметров, что и было причиной трещин западных стен Арсенала».

13 февраля, когда белокаменная облицовка правой стены макарьевского тайника сменилась на кирпичную, Стеллецкий догадался, что ход пошел вдоль кремлевской стены. Через два дня этому появилось еще одно доказательство Конон Осипов в донесении к Петру I упоминал о засыпке тайника «землею накрепко» строителями Арсенала, которые нашли подземный ход. А когда рабочие Стеллецкого выбрали всю белокаменную замуровку, то уперлись в утрамбованную землю.

Вскоре в правой стене тайника показалась большая арка входа в помещение, забитое землей. Работа шла медленно, так как узкая брешь в замуровке позволяла убирать землю только вперекидку. Недовольный темпами работ, Стеллецкий, как настоящий подвижник, работал в одиночку, когда его помощники уходили на обед. Однажды его чуть не завалило пластами рухнувшего грунта. К 27 февраля помещение расчистили полностью. Это оказалась разгрузочная арка размерами 7х5х1,9 м, устроенная под кремлевской стеной. Стеллецкий полагал, что в древности ее могли использовать как тайник. Но подобное предположение вызывает сомнения. Уж очень форма не подходящая, если речь идет о больших сундуках с книгами или утварью: их было бы очень трудно вытаскивать. Для хранения же небольших шкатулок с драгоценностями объем предполагаемого тайника оказывался слишком уж избыточным.

К 3 марта ход от земли освободили, но дальше он оказался забит песком. Тогда же был раскопан плоский потолок тайного хода. Одной стеной тайника являлась кремлевская, а другой – восточной – стены не было вовсе. Археолог пришел к выводу, что в этом месте ее выломали при строительстве Арсенала. Получалось, что потолок тайника как бы висит в воздухе. Игнатий Яковлевич просил у Петерсона позаботиться о возведении недостающей

части стены: «Итальянский потолок, конечно, мощен, но время сильнее, и однажды он обвалится, и тогда стена осядет на подмытый песок гораздо глубже, чем она осела ныне в Средней Арсенальной башне». Но вспомогательную стену так и не возвели.

Через неделю башню обнесли забором, у ворот которого поставили часовых. Рабочие начали вывозить скопившиеся за века землю и мусор. Стеллецкий же продолжал копать в одиночку. И уперся в каменную глыбу, свисавшую с потолка. Она закрывала большое отверстие. Игнатий Яковлевич сразу понял, что это пролом, устроенный при возведении Арсенала для засыпки хода. Казалось, что свободная от песка часть тайника совсем рядом. Но неожиданно комендант Петерсон запретил раскапывать тайник и приказал Стеллецкому расчистить башенное подземелье до дна. Через неделю открыли выход в Александровский сад из подземелья Угловой Арсенальной башни и стали вывозить скопившийся мусор и землю.

Игнатий Яковлевич советовал взять в бетонное кольцо родник, иначе вода может прорвать колодезный сруб, установленный еще в начале XIX века. Но его не послушали. И 24 марта вода затопила подземелье. Две недели искали насос. А когда нашли, он уже не понадобился. Вода исчезла столь же внезапно, как и появилась.

Стеллецкий ломал голову над тем, как строитель Угловой Арсенальной башни Пьетро Антонио Солари совладал с капризным источником. Раскопки в подземелье башни дали ответ на этот вопрос: родник первоначально был заключен не в колодец, как полагали ранее, а в цистерну. Дно ее залегало на глубине 7 метров от поверхности земли, а диаметр достигал 5 метров. «Цистерна от стен башни спускалась вглубь концентрическими кругами... и оканчивалась небольшим круглым дном, выложенным камнем, с доступом для родниковой воды. На известном уровне воды в цистерне были устроены водоотводы, для них был использован подземный ход вдоль кремлевской стены к Царским и Патриаршим палатам», — писал Стеллецкий в докладной записке Петерсону. Археолог полагал, что после возведения Арсенала канал в подземном ходе уничтожили, а сам ход замуровали, и вода начала подниматься в цистерне все выше и выше, пока не затопила подземелье. В правление императрицы Анны Ивановны стены, подмытые водой почти на метр, отремонтировали, нижнюю часть цистерны засыпали на 1,5 метра строительным мусором, на котором и устроили колодезный сруб. В начале XIX века сруб получил новые венцы, а подземелье башни засыпали землей.

5 апреля в подземелье явилась комиссия сотрудников гражданского отдела УКМК. Стеллецкий так описал этот внезапный визит: «Просто удивительно мне сегодня показалось, с каким опасением, почти с ужасом проходили по щелям тайника Аристотеля Фиораванти члены комиссии: Палибин, Лопухов, Куксов, Алешкин, Суриков. В глубине я пролез сквозь отверстие в песке до норы, что сам вырыл вдоль каменного потолка, приглашая посмотреть воочию, но они так не продвинулись, чтобы взглянуть хоть одним взглядом». Нелюбопытство чиновников изумило археолога.

Еще раз осмотрев Среднюю Арсенальную башню, Стеллецкий сделал вывод, что макарьевский тайник, не доходя до башни 13 метров, должен повернуть к Кремлю и пойти под Успенский собор, а от него — через Соборную площадь — к Тайницкой башне. У Игнатия Яковлевича родилась идея с помощью шурфов нащупать тайник в подземелье Арсенала, которое как раз тогда перестраивалось под тир. Но разрешения получить не удалось.

Наступила томительная пауза. Все лето ушло на расчистку подземелья Угловой Арсенальной башни, а в сентябре работы не производились.

3 октября 1934 года в Кремле прошло заседание специальной комиссии, в которую входили представители комендатуры Кремля, архитекторы А.В. Щусев и Н.Д. Виноградов, директор Оружейной палаты В.К. Клейн, а также гидролог из Метростроя Г. Г. Салопов. Заслушав отчет Стеллецкого и осмотрев тайник, комиссия решила продолжать раскопки. К октябрю подземелье в некоторых местах раскопали до древнего дна, выложенного кирпичом. На высоте одного метра от пола нашли две амбразуры нижнего боя. Отверстия эти напо-

ловину их длины были разворочены. Со стороны Александровского сада их когда-то засыпали землей. Стеллецкий полагал, что в древности «от основания кремлевской стены берег круто сбегал к Неглинной, оставляя наружу массивную железную дверь в башню, выводившую на обрыв. В обрыве (береговой покатости) выходили наружу две амбразуры нижнего боя из башенного подземелья с цистерной. Очевидно, отверстия разворочены при использовании гаубиц».

Но в начале ноября в связи с приближением праздничного парада 7 ноября подземелье башни спешно очистили от остатков мусора, а выход в Александровский сад замуровали – на случай теракта. Ведь на параде должен был присутствовать сам Сталин. Стеллецкий надеялся на возобновление работ после ноябрьских праздников, но ему предложили поехать в отпуск полечиться (в холодном подземелье он заболел воспалением легких).

«13 ноября – это дата! – сокрушался археолог в дневнике. – Кругленький годик! Что бы я сделал за тот короткий период, если бы не исполнители – глухие супостаты? Я бы эту работу выполнил в четыре месяца. А что еще сделал бы за восемь месяцев по моему вкусу? Как жук-точильщик, избородил бы Кремль и уж, конечно, нашел бы “затерянный клад России”».

Но пусть я и не нашел! Не дали найти! Зато я указал верную дорогу к нему. Я ли, другой ли – не все ли равно, лишь бы нашли. Мое – мой приоритет – неотъемлем от меня. А башня Арсенальная, превращенная мною в ключ к библиотеке, отныне “башня Стеллецкого”...»

Это убеждение, что ему «не дали» найти тайник и библиотеку какие-то темные силы, враги народа, враги его и Сталина, у Стеллецкого осталось до конца жизни.

Вернувшись из отпуска в феврале 1935 года, он подал докладную в УКМК с просьбой дать разрешение на продолжение работ хотя бы в Успенском соборе, если почему-то нельзя копать в Угловой Арсенальной башне. Он утверждал: «В Успенском соборе мне топографически известно местонахождение люка, ведущего в Аристотелевский тайник в точке его слияния с Алеизовским». Но больше археологу копать в Кремле не довелось.

Игнатий Яковлевич не знал, что решение о прекращении раскопок было принято еще 3 декабря 1934 года. Оно явно было связано с убийством в Ленинграде местного партийного руководителя и члена Политбюро С.М. Кирова двумя днями ранее. Из-за этого резко ужесточился режим охраны правительственных объектов и начал разворачиваться террор против тех категорий населения, в которых Сталин видел «врагов народа». Если ранее раскопки тайного хода в Кремль были остановлены комендатурой Кремля из опасения, что по нему может проникнуть в правительственные помещения кто-то посторонний, имеющий террористические намерения, то теперь об их возобновлении и речи не могло быть. Тем более что как раз с января 1935 года начало разворачиваться сфальсифицированное так называемое «кремлевское дело» – о будто бы существовавших террористических группах среди кремлевской obsługi. Это дело было направлено прежде всего против секретаря ЦИК А.С. Енукидзе, которому подчинялись кремлевские службы и который впал в немилость у Сталина. Естественно, в таких условиях никто не хотел рисковать и давать разрешение на новые раскопки в Кремле, чтобы не быть заподозренным в покровительстве «врагам народа».

Следует признать, что раскопки были организованы Стеллецким не самым лучшим образом. Рабочие трудились без энтузиазма и работали, по словам Игнатия Яковлевича, «как мокрое горит, одного десятник захватил даже спящим. Невыгодно, говорят, как ни работай, выше обязательного минимума не получишь». При фиксированной и не слишком большой ставки оплаты труда другого ожидать не приходилось. Перейти же на сдельщину, как предлагал археолог, не удалось. На расчистке хода обычно работали только два-три человека, не раз раскопки без объяснения причин прекращались. Для получения инструмента, техники и даже брезентовых рукавиц приходилось каждый раз писать специальные заявки. Стеллецкий конфликтовал с десятниками, считавшими себя вправе указывать ему, где надо копать.

Выяснив, что подземные галереи действительно непроходимы и врагам в Кремль не пробраться, комендант Петерсон утратил интерес к раскопкам.

В войну Стеллецкий оставался в Москве. Эвакуироваться он не стал, опасаясь, что опять, как и в гражданскую, пропадут его материалы. Ученый был награжден медалью «За оборону Москвы». В декабре 1941 года, голодный, в холодной квартире он писал в дневнике: «Проверить упоминаемый в летописи тайник, т. е. подземный ход из Беклемишевской башни к Москве-реке. Пройти из Спасской башни подземным ходом до храма Василия Блаженного, близ которого спуск в большой тоннель под Красную площадь, тоннель весьма загадочного назначения. Пройти из Никольской башни в район Китая и Белого города...».

Не исключено, что Стеллецкий еще раз обратился к Сталину в конце войны. И, вероятно, получил какой-то ответ из его секретариата, так как в обращении в Академию наук в январе 1945 года Игнатий Яковлевич писал: «Но после войны, после победы, заветный клад будет найден! Поручкою в том слово Великого Сталина!» Однако Иосиф Виссарионович, пристально интересовавшийся фигурой Грозного, скорее всего, к тому времени уже утратил надежды найти Либерее и новые раскопки в Кремле не разрешил. В конце войны и в послевоенные годы его занимали уже совсем другие проблемы. И неслучайно, наверное, он так и не выпустил на экран вторую серию киноэпопеи Эйзенштейна. Миф Грозного и опричнины постепенно утрачивал свою актуальность. Великая чистка осталась позади. Масштаб репрессий уменьшился, они приобрели более точечный характер и были направлены теперь в первую очередь против «безродных космополитов». Сталина теперь больше волновала проблема преемника, а здесь пример Грозного, так и не сумевшего решить эту проблему, и Смуты, последовавшей после его смерти, мог иметь для Иосифа Виссарионовича только отрицательное значение.

Тем не менее до самой своей смерти в 1949 году Стеллецкий был уверен, что Сталин по-прежнему хочет найти Либерее, а работы по поискам библиотеки были прекращены исключительно из-за интриг его окружения. Но в Кремль археолога больше не пустили.

Тяготы войны привели к тому, что в 1943 году Стеллецкий перенес первый инсульт. В 1947 году, после второго инсульта, Игнатий Яковлевич оказался частично парализован. 18 января 1949 года последовал третий инсульт, после которого ученый оказался прикован к постели.

Умер Стеллецкий 11 ноября 1949 года, повторяя перед смертью только одно слово: «Мойра... Мойра...».

На древнегреческом слово это – судьба. После инсульта бывает, что человек забывает родной язык, но может разговаривать на других языках, которые изучал в своей жизни.

По другой версии, последние месяцы жизни Стеллецкий говорил только по-арабски (этот язык он еще до революции изучил в Палестине), последними его словами были: «Аль-Китаб» – книга. Очевидно, мысли о Либерее, поиски которой стали его судьбой, не оставляли ученого и в последние мгновения жизни.

В 1962 году при поддержке главного редактора «Известий» А. И. Аджубея в газете «Неделя» появляются главы из книги Стеллецкого. В письмах, направленных в «Неделю», читатели взволнованно спрашивали, когда возобновятся поиски библиотеки. Год спустя в Москве была создана общественная комиссия во главе с академиком М. Н. Тихомировым для поисков Либерее. В нее вошли историки, археологи, архитекторы, архивисты: С. О. Шмидт, М. Р. Рабинович, А. Г. Векслер, В. Н. Федоров и другие. Предусматривалось проведение архивных изысканий, изучение топографии Кремля и осуществление археологических раскопок. Вероятно, Аджубей заручился согласием тестя на то, чтобы археологам открыли доступ в подземный Кремль. Однако с падением Хрущева проект потерял свою актуальность. Не получив поддержки наверху, комиссия вскоре тихо умерла. Сразу после этого к вдове Стеллецкого М. М. Исаевич обратилось несколько человек, желавших полу-

чить дневниковые записи о раскопках в Кремле и третий том документальной истории библиотеки Грозного. В РГАЛИ сегодня хранятся только первые два тома, судьба третьего тома неизвестна до сих пор. В письмах к другу семьи Исаевич упоминала о загадочном квартиранте, который поселился у нее после долгих уговоров, а в один прекрасный день не вернулся домой. Возможно, рукопись третьего тома исчезла вместе с таинственным постояльцем, скорее всего связанным с КГБ.

Последние по времени раскопки в Угловой Арсенальной башне проводились археологами Кремля в 1975 году. Удалось расчистить до дна цистерну Солари. Оказалось, что она представляет собой многогранник диаметром 5,51 метра. Верхняя часть его имела обкладку из кирпича, а нижняя – из белого камня, причем обкладка была сделана еще в XVI веке. При расчистке водоема на глубине 4 и 5 метров нашли два шлема, стремяна и фрагменты кольчуги. Археологи полагают, что шлемы и стремяна, завернутые в кольчугу, были намеренно утоплены в цистерне. Шлемы относятся к концу XV – началу XVI века. Один из них, с инкрустацией серебром, явно принадлежал человеку знатному. Однако кто и зачем утопил доспехи в цистерне, мы, наверное, никогда не узнаем. Был ли это какой-то священный обряд, связанный с водой, или кто-то использовал цистерну в качестве тайника, а потом не смог вернуться за его содержимым? Наверняка кремлевские подземелья таят великое множество загадок. Но даже если каких-то особо ценных кладов найти не удастся, археологические раскопки помогут в деталях выяснить архитектурную историю Кремля и реконструировать древние постройки.

А библиотека Ивана Грозного, таинственная Либерея, все равно будет манить энтузиастов и романтиков. Библиотека, которой никогда не существовала, останется мистическим символом сокровенного знания, доступного лишь достойным этого, духовно просветленным людям и оберегаемого от прочих неведомыми силами. Даже если перекопают весь Кремль вскроют все подземелья и тайники, легенды о Либерее будут жить и преумножаться.

Яков Брюс. Маг или ученый?

О Якове Брюсе говорили, что он состоит на службе и царю, и дьяволу. Его считали не только инженером, но и астрологом и алхимком, будто бы разгадавшим секрет философского камня – отсюда его сказочное богатство. В народе же Якова Вилимовича прямо называли колдуном. «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек», – писал Лев Толстой. А по словам историка Василия Татищева, хорошо знавшего Брюса, он был человек «высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти». Среди «птенцов гнезда Петрова» после светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова следующим обычно вспоминают Брюса.

Народная молва приписывала Якову Брюсу феноменальные способности. Будто бы он мог с одного взгляда сосчитать горошины в рассыпанной кучке, знал все наименования звезд, планет и созвездий в небе. О нем говорили: «Ты вот возьми, насыпь на стол гороха и спроси его, Брюса, сколько? А он взглянет – и не обочтется ни одной горошиной. А спроси его, сколько раз повернется колесо, когда поедешь от Тешевич до Киева? Он тебе и это скажет. Да что! Он на небо взглянет и тут же скажет, сколько есть звезд на небеси!.. Он знал все травы тайные, камни чудные и составы из них разные делал, и даже живую воду...»

Яков Вилимович Брюс (1669–1735) – русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и учёный, один из ближайших сподвижников Петра I. Генерал-фельдцейхмейстер (1711), генерал-фельдмаршал (1726), реформатор русской артиллерии. В московских преданиях за ним прочно закрепилась репутация чернокнижника, «колдуна с Сухаревой башни» и первого русского масона

Многие легенды о Брюсе связаны с Сухаревской башней. В 1700 году в этой башне Брюс по поручению Петра организовал Школу навигацких и математических наук. Так как Сухаревская башня возвышалась над землей на 64 метра и к тому же находилась на одном из наиболее высоких мест Москвы, то Брюс нашел, что, одновременно с размещением в ней школы будущих мореплавателей, башня может быть использована и для устройства в ней астрономической обсерватории в одном из верхних ее этажей. Кроме астрономических зрительных труб, там были также размещены измерительные инструменты – секторы и квадранты – для определения времени по звездам Большой и Малой Медведиц. Здесь же был помещен привезенный в Москву из Голландии еще при жизни Алексея Михайловича большой звездный глобус диаметром 2 м 13 см. В 1706 году из этой обсерватории впервые в России научно наблюдалось солнечное затмение.

Сухаревская башня

К сожалению, сколько-нибудь полного представления о том, что именно наблюдал Брюс и какие астрономические открытия он сделал, мы не имеем до сих пор. Стоит только указать, что в вышедшей в 1803 году «Истории астрономии» французского астронома Жозефа Жерома Лаланда отмечалось, что «Брюс производил некоторые наблюдения». Оче-

видно, о своих наблюдениях Яков Вилимович сообщал своим европейским корреспондентам, но эта переписка до сих пор не найдена.

Монета с эмблемой Школы навигацких и математических наук, организованной Брюсом по поручению Петра I

А вот царю Петру. 22 марта 1699 года Брюс из Москвы писал: «Милостивый государь!.. При сем доношу, когда изволишь потемнение солнца примечать, тогда изволь избрать избу, в которой бы можно было окна все закрыть, чтоб свету в ней ничего было. Такожды надобна трубка зрительная, которую в яблоко деревянное (кронштейн. – Б. С.) вкрепить, чтобы можно было трубку на все стороны поворотить на ту стать, как у астролябиума... Сие изготовивши, надобно... круг солнечный на разных бумажках начертить, чтобы в разные времена величество потемнения ведомо было. Остаюсь твой всем сердцем – Якушко Брюс».

Французский астроном Жозеф Жером Лефрансуа де Лаланд, с которым Брюс, вероятно, находился в переписке

В другом письме Петру от 16 марта 1716 года, уже из Петербурга, Брюс рассказал о наблюдавшемся им огненном шаре – болиде: «6-го числа с вечера, около девяти часов, явилось светло за облаками близ горизонта от норд-веста даже чуть не до самого норд-оста... Пламена огненные гораздо жидким цветом вверх от горизонта простирались и показывались везде по небу кругом по всем странам... Сии временные видения продолжались до второй четверти второго часа по полуночи. Всего дивные мне казались континуация сего временного горения, ибо егда метеоры являются, то оные по явлению скоро сгорают и минуются. Ежели простых людей к мнению приставить, то бы возможно многая изображения яко же они представляют соделати...»

Наконец, 18 июля 1716 года Брюс обрадовал Петра сообщением, что наблюдал пятна на Солнце: «Было мое желание вашему величеству донести, что я в солнце пятна усмотрел, однакож опасался в таких многодельных временах вашему величеству так малым делом докучать. Токмо ж, памятуя любопытство и особливое тщание вашего величества в вещах, не часто случающихся, дерзнул ныне донести, что оных много в солнце является и возможно оных гораздо внятно трубою зрительною футов в 12 видеть, егда ближайшее стекло к глазу умеренно покоптится, возможно ж оныя и в 4 фута длиною трубою видите; однакож гораздо мелко. Я надеюсь, что ваше величество, конечно, оныя может увидеть, ежели да изволите кому ни есть приказать по вся дни недели две смотреть дважды или трижды в день, понеже иногда в нем ничего не видеть, когда солнце, поворачиваясь на оси своей, от вида нашего оные пятна отворотит. А обращается оное на оси своей в 26 1/4 дней. И понеже сие, колико мне известно, уже с 30 лет не видно было, и я от роду своего впервые увидел, того ради не мог удержаться, не донеся о сем вашему величеству».

В Сухаревой башне Брюс порой просиживал ночи, особенно после того, как вышел в отставку. Народная молва же приписала ему сношения с дьяволом. Здесь он будто бы хранил «черную книгу» и творил волшебство. Некоторые вообще приписывали Брюсу строительство Сухаревой башни, чтобы иметь удобное помещение для контактов с нечистой силой, хотя в действительности башню возвели по приказу Петра в 1692–1695 годах, причем спроектировал ее архитектор Михаил Чоглоков. Брюс тогда еще был простым поручиком, и строительство башни ему, разумеется, никто поручить не мог.

Для Петра I, несмотря на ученость Якова Вилимовича, последний рассматривался в качестве военного специалиста. Что же касается астрономической обсерватории на Сухаревой башне, эта обсерватория создавалась Брюсом не для собственной работы, а для обучения специалистов, получавших в школе образование, связанное с деятельностью военно-морского флота. Навигацкая школа в большей мере готовила капитанов кораблей, штурманов (навигаторов), для которых познания в области астрономии были необходимы. Это было первое на Руси высшее светское учебное заведение – прародительница будущей Морской академии в Петербурге. Учеников в Навигацкую набирали отовсюду, лишь бы обеспечить требуемое число. Поэтому в новой школе рядом с сыновьями князей сидели за партами дети дворовых людей. Преподавателем арифметики и геометрии здесь был известный математик Леонтий Магницкий, автор знаменитой «Арифметики», которая на целых полвека стала основным учебником в русских школах.

Известный математик Леонтий Магницкий, автор знаменитой «Арифметики», которая долгие десятилетия была основным учебником в русских школах, преподавал в Навигацкой школе арифметику и геометрию

Интересно, что в Навигацкой школе из класса в класс гардемаринцов переводили в зависимости от успехов в науках, а не по возрасту. В результате образовалась категория «вечных гардемаринцов», сидевших в одном и том же классе по десять и более лет. Рекорд поставил

некий Иван Трубников. Он просидел за партой 30 лет и в возрасте 54 лет был уволен «по болезням и старости, и как ко обучению наук находиться уже не надёжен».

Франц Яковлевич Лефорт (1655–1699) – русский государственный и военный деятель, генерал, адмирал, сподвижник Петра I, основатель легендарного «Нептунова общества», занимавшегося будто бы не только астрологией, но и магией

В народе ходили слухи, что ночной порой в верхних окнах башни таинственно мерцал свет, когда друг царя Петра Франц Лефорт собирал «Нептуново общество», занимавшееся будто бы среди прочего астрологией и магией. В общество входили еще восемь человек и среди них – сам царь, неразлучный с ним Меншиков и Яков Брюс. Но никаких документаль-

ных подтверждений существования Нептунова общества не существует. Скорее всего, мы имеем дело с еще одной легендой, сохраненной народным преданием.

Как только ни называли Брюса: колдун, чернокнижник, чародей. Ни с одним московским жителем не было связано столько слухов и легенд. Брюсу приписывали изобретение эликсира вечной молодости, утверждали, будто он овладел секретом «живой» и «мертвой» воды. Во второй половине XIX века М. Б. Чистяков записал рассказы крестьян из села Чернышино Калужской губернии, принадлежавшего когда-то Брюсу. Крестьяне говорили, что хозяин села был царским «арихметчиком», знал, как уже говорилось, сколько звезд на небе и сколько раз колесо повернется, пока до Киева повозка доедет.

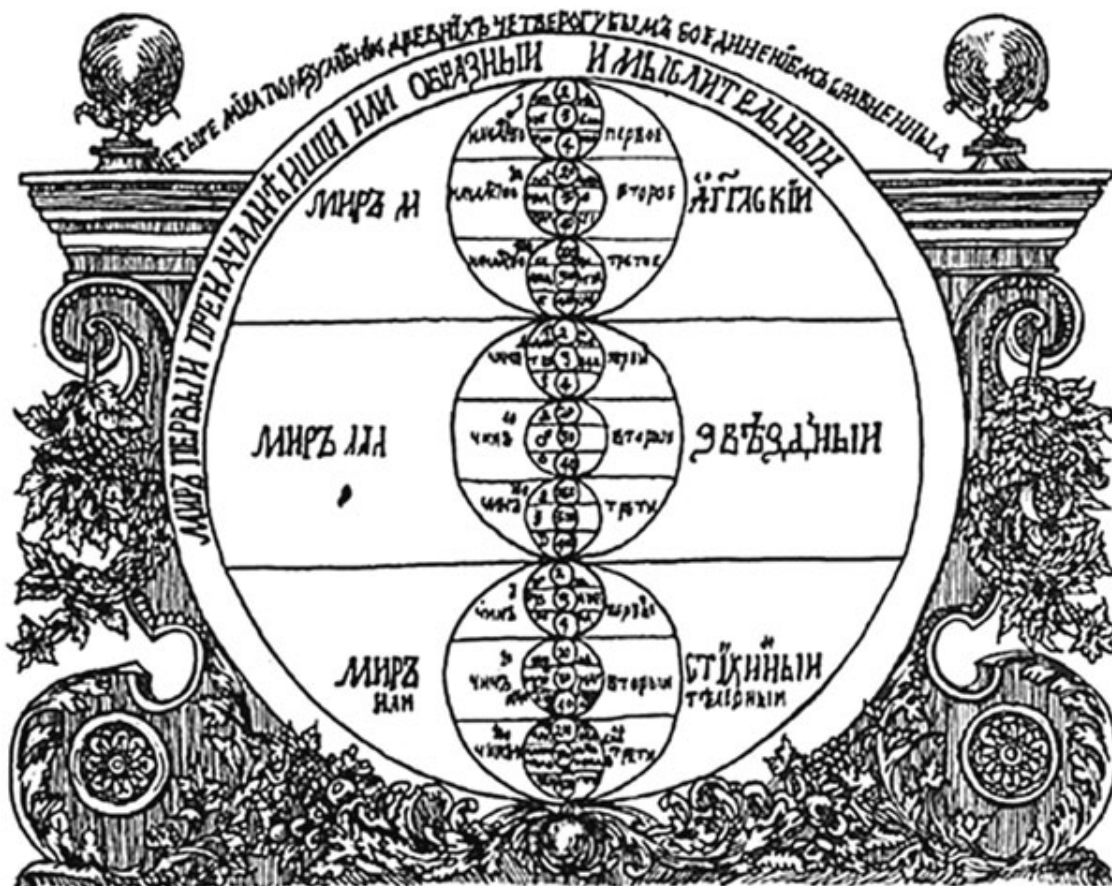
Решив испытать чудо оживления и омоложения на себе самом, Брюс будто бы повелел верному слуге разрубить себя на части мечом и потом поливать «живой водой». Но для этого нужен был долгий срок, а тут царь некстати хватился своего «арихметчика». Пришлось слуге во всем сознаться и показать тело господина: «Глядят – тело Брюсово уж совсем спростлось и ран не видно; он раскинул руки, как сонный, уже дышит, и румянец играет в лице». Возмущенный духом православный царь, сказал с гневом: «Это нечистое дело!» И повелел похоронить чародея в земле на веки вечные.

В XX веке утверждали, будто он не умер, а создал воздушный корабль и улетел на нем неведомо куда. Царь же повелел книги его замуровать (опять-таки в Сухаревой башне), а все снадобья сжечь. Таким образом, разрастался и варьировал целый свод сказаний, в которых Брюс представлял кем-то вроде русского Фауста. Также в этих легендах Брюс очень напоминал царя Ивана Грозного с его Либереей, будто бы повелевшего замуровать великую библиотеку до лучших времен.

Еще говорили, что он собрал из железных пластин механическую птицу и, сидя верхом на ней, летал над Москвой, пользуясь прикрытием ночной темноты, чтобы реже попадаться на глаза перепуганным жителям, и якобы по найденным брюсовым чертежам в начале XX века были созданы первые русские аэропланы.

Кроме того, ходили упорные слухи, что после десяти лет упорного труда удалось ему сконструировать «вечные часы» и, дескать, завел он их, а ключ выбросил в реку. Шли те часы долго, даже после его смерти, пока во времена Екатерины Великой не попытались их усовершенствовать – разобрали, но снова собрать не смогли.

Поговаривали, что не рождался ни до, ни после Брюса на Руси человек, что мог бы сравниться с ним знаниями и чародейством. Сподвижник Петра будто бы знал не только собственное будущее, но и судьбы всех людей, владел секретом гипноза («отводил глаза»), и не было ни одной вещи на земле или на небе, тайны которой он не постиг.

Брюсов календарь

Но кем же на самом деле был Яков Брюс? Здесь мы воспользуемся данными, содержащимися в наиболее фундаментальной биографии Брюса на русском языке, написанной Александром Филимоном.

Его родословие тянется из глубокого прошлого Европы и восходит к норманнскому завоеванию Англии, в котором участвовали предки Брюса. Самым известным его предком был король Шотландии Роберт I, который в 1314 году разбил армию английского короля Эдуарда II при Баннокберне, а в 1328 году добился от Англии признания независимости Шотландии. Другой представитель этого рода, Эдвард Брюс, был в XIV веке королем Ирландии. В годы английской революции 1640-х годов Вилим (Уильям) Брюс, будучи сторонником короля Карла I, после поражения роялистов бежал в 1647 году в Голландию, а затем в Россию, где поступил на военную службу. В английской королевской армии он имел чин поручика. В России первые девять месяцев Вилим Брюс не получал жалованья. В мае 1648 года он и другие иностранные офицеры вынуждены были даже обратиться к царю с челобитной, в которой жаловались, что они с женами и детьми вынуждены «болтаться меж двор», просить подаяния и нищенствовать.

Король Шотландии Роберт I, в 1314 году разбивший армию английского короля Эдуарда II при Баннокберне, а в 1328 году добившийся от Англии признания независимости Шотландии, – самый известный предок Брюса

Быструю карьеру Вилим Брюс сделал с началом русско-польской войны 1654–1667 годов. В 1658 году он получил уже чин полковника и командовал псковским полком. В том же году он был ранен (получил «увечное ранение»), вышел в отставку и поселился в Москве в Немецкой слободе, где женился. По документам следует, что Вилим прибыл в Россию без жены, известные нам дети появились спустя два десятилетия после его приезда. Из этого следует, что он женился в России, но национальность его жены остается неизвестной. Можно только предположить, что после смерти мужа она вышла Вторым браком замуж за иностран-

ного офицера Юрия Инглиса, судя по прозвищу, англичанина, поскольку его сына Андрея Инглиса, коменданта Нарвы, Брюс в письме 1705 года называл братом.

Этот брак еще прочнее привязал Вилима к России. После реставрации Стюартов в 1660 году возвращаться на родину он уже не захотел, остался на Руси и умер в 1680 году в чине генерал-майора. Дочь Вилима Брюса, Елизавета, впоследствии вышла замуж за полковника Джона Трейдона. Она умерла в 1694 году. Яков Брюс родился в Москве 1/11 мая 1669 года. Яков получил прекрасное домашнее образование (учителей, скорее всего, выписали из Европы) и увлекся математикой и естественными науками, за что впоследствии получил в народе прозвище «Брюс-арифметчик». Тут лежит одна из многочисленных загадок Брюсовой биографии. Неясно, где и как сын иностранного офицера сумел получить в Москве в 70—80-е годы XVII века такое блестящее образование, которое позволило ему затем овладеть глубокими познаниями в самых различных областях науки. Учтем также, что в возрасте 17 лет Яков Брюс уже поступил на военную службу и не мог далее получать систематическое образование. Тем не менее он овладел столь глубокими познаниями в самых различных областях науки, что смог на равных вести диалог с виднейшими представителями европейской науки. Нет никаких данных, что Брюс выезжал для учебы за границу, и такое кажется весьма маловероятным. Скорее всего, у него были хорошие домашние учителя, однако крайне сомнительно, чтобы они смогли дать ему такой уровень образования, который сразу же позволил бы ему в научных изысканиях встать вровень с последними достижениями естественных наук того времени. Остается предположить, что разгадка лежит в феноменальных способностях Брюса, особенно в сфере математики, физики и астрономии. Учитывая, что большую часть своей сознательной жизни ему пришлось провести в военных походах, в выполнении дипломатических поручений, а также в организации российской промышленности, наукой ему приходилось заниматься в основном в прикладных целях, для нужд артиллерии и промышленности, а также для изготовления инструментов для исследований. Остается только гадать, какие открытия в сфере фундаментальных наук совершил бы Брюс, если бы наука стала его основным и единственным занятием. Да и какие именно открытия он совершил, мы и сегодня не знаем толком, поскольку его зарубежная переписка и архив выявлены и изучены лишь в незначительной степени.

В службу Яков Брюс вступил в 1686 году корнетом (прапорщиком) кавалерии. Он участвовал в неудачных крымских походах князя Василия Васильевича Голицына в 1687 и 1689 годах в качестве инженерного офицера. За первый крымский поход храбрый шотландец был награжден поместьем в 120 четвертей земли и деньгами в размере от 8 до 30 рублей, а за второй поход получил в награду поместье в 130 четвертей земли и 15 руб. денег. Во время стрелецкого бунта 1689 года Петр неожиданно уехал из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру. Отрядом иноземцев, в котором служил поручиком Я. В. Брюс, командовал шотландец генерал Патрик Гордон. Прибытие в монастырь отряда Гордона состоялось 5 сентября 1689 года. Вероятно, в этот день Петр и познакомился с Брюсом. С тех пор и завязалась их дружба. Ей немало способствовало и то обстоятельство, что шотландец не уступал «герру Питеру» в пьянстве и разгуле. В 1692 году Брюс был назначен в Белгородский полк, которым командовал будущий фельдмаршал и граф Б. П. Шереметев.

Троице-Сергиева лавра. Вероятно, здесь 5 сентября 1689 года познакомились Петр и поручик Я. В. Брюс. С тех пор и завязалась их дружба

В 1693 году пожалованный в ротмистры (капитаны кавалерии) Яков Брюс сопровождал Петра в Архангельск, где царь закладывал первые верфи. А в январе 1695 года Петр произвел Брюса в чин майора, и тогда же, в январе 1695 года, Яков Вилимович женился. Его избранницей стала Маргарита фон Мантейфель (в России ее величали Мария или Марфа

Андреевна), дочь генерала Цогге фон Мантейфеля, выходца из остзейских немцев. Посажённым отцом на свадьбе был сам царь.

В 1695 и 1696 годах Брюс участвовал в Азовских походах, завершившихся взятием турецкой крепости. Теперь он уже был морским капитаном и за храбрость при штурме Азова был пожалован чином полковника. Под Азовом погиб его младший брат Вилим. Во время осады Азова Брюс занимался составлением карты от Москвы до берегов Малой Азии, которая впоследствии была напечатана в Амстердаме. Брюс сопровождал Петра во время Великого посольства в Англию и Голландию. Он присоединился к царю в 1697 году в Амстердаме. В этом городе он также успел хлопотать об издании своей карты. 28 сентября в Москву отправляется послание, в котором на основании указа царя, «велено послать» в Голландию полковника Якова Брюса «для математической науки в англицком государстве». Перед отъездом в Москве с Яковом Вилимовичем произошел досадный инцидент: В доме князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского, начальника Преображенского приказа, ведавшего полицейским сыском, и правителя страны в отсутствие Петра, он получил сильный ожог руки и приехал в Амстердам только 19 декабря. Петр разгневался и написал Ромодановскому:

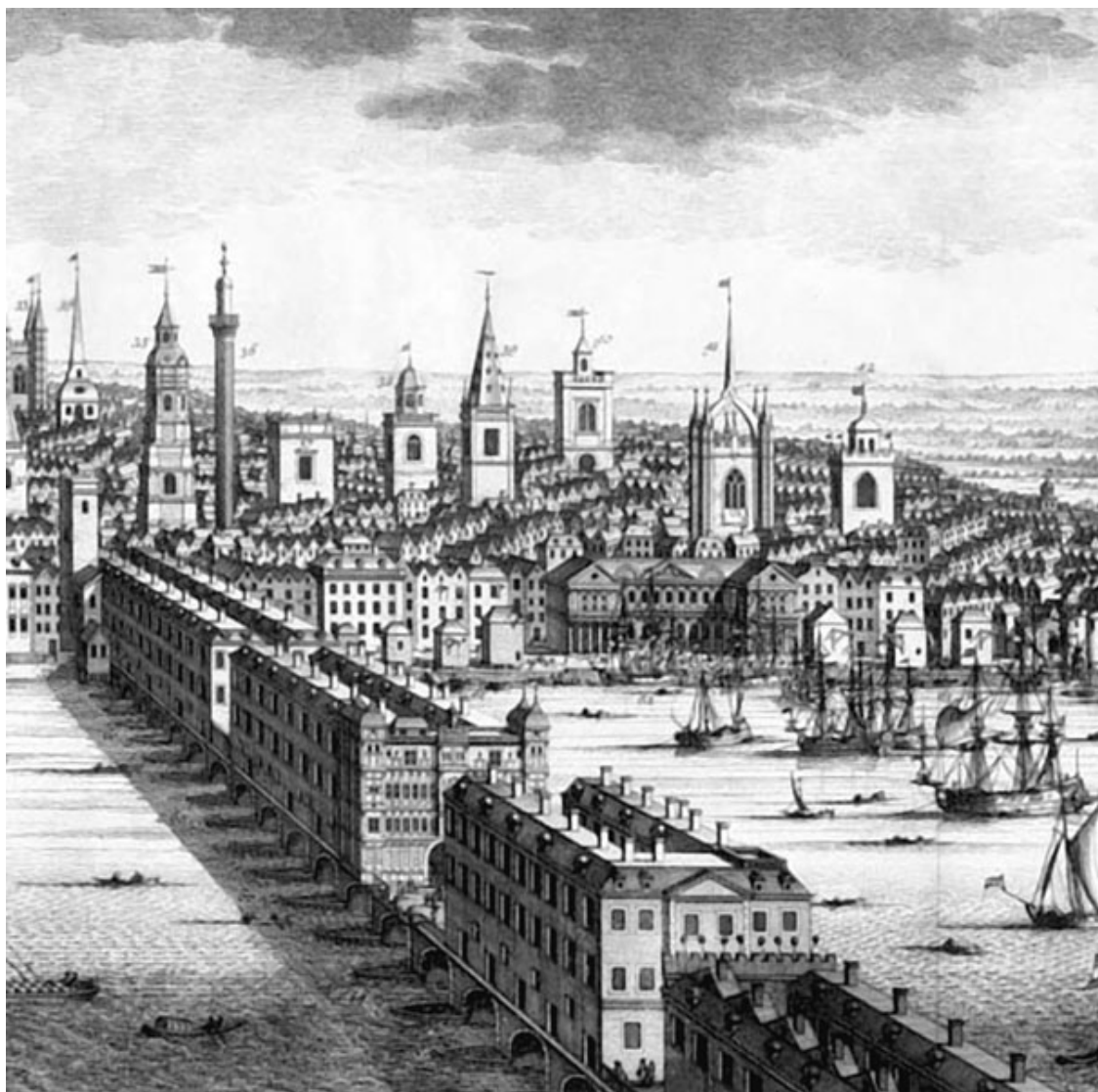
«Зверь! Долго ли тебе людей жечь? И сюды раненые от вас приехали». А насчет пристрастия Ромодановского к хмельным напиткам, прозрачно именуемым *Ивашкой Хмельницким*, царь писал с явной угрозой: «Перестань знатца с Ивашкою, быть от него роже драной».

Князь-кесарь в ответном письме оправдывался: «В твоём же письме написано ко мне, будто я знаюся с Ивашкою Хмельницким; и то, господине, неправда... Неколи мне с Ивашкою знатца, всегда в кровях омываемся; ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам недосуг. А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня». Петр согласился счесть происшедшее обычной пьяной ссорой: «Писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал; и то правда, только на чьем дворе и при ком? А что в кровях, и от того, чаю, и больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученье».

Портрет Ф. Ю. Ромодановского, начальника Преображенского приказа, ведавшего полицейским сыском, и правителя страны в отсутствие Петра

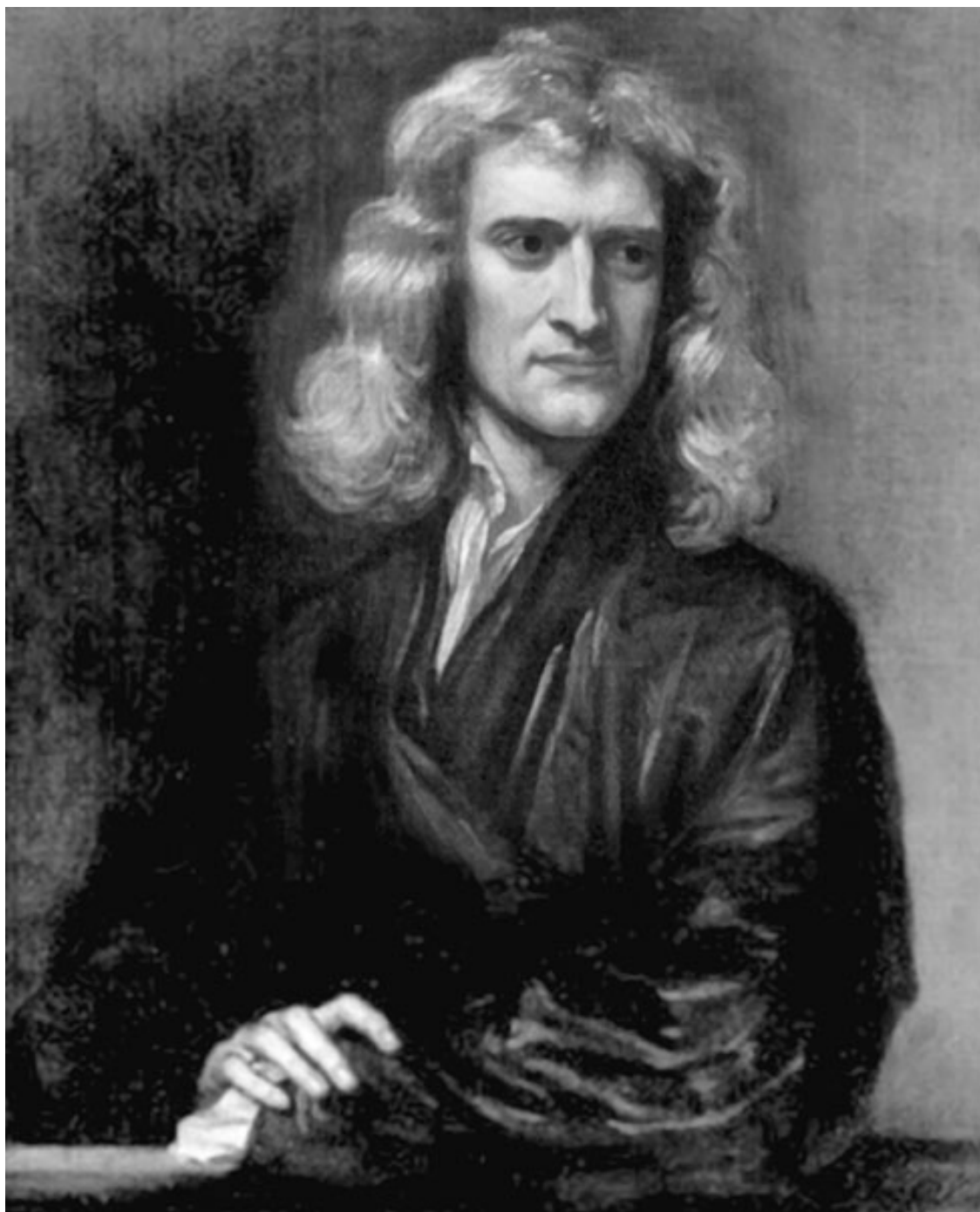
Брюс, приехав с Петром в Англию, затем остался там на год (до Шотландии, родины предков, он так никогда и не добрался). Он занимался математикой и астрономией под руководством английских ученых, в том числе великого Исаака Ньютона. Брюс приобщился к открытым Ньютоном новым основам мироздания, познакомился с его капитальным трудом «Математические начала натуральной философии». Он также написал научную работу «Теория движения планет», основанную на ньютоновской механике. Главное же, он внимательно изучил британскую артиллерию, чтобы использовать ее опыт в предстоящей войне с Швецией.

Старый лондонский мост

В феврале 1698 года у Брюса родилась дочь Маргарита, но прожила недолго, уже в марте скончалась. В 1699 году, по возвращении из Англии, Брюс участвовал в разработке воинского Устава.

В 1700 году Брюс был пожалован в генерал-майоры от артиллерии. В августе, сразу после подписания мирного договора России с Турцией, ему было приказано «выйти с бло-киром в Ижорскую землю». Отряд Брюса должен был, выйдя из Москвы, подойти к Нарве и до начала осады блокировать подступы к крепости. Но из-за плохих дорог отряд Брюса шел очень медленно и прибыл в Новгород, находившийся на пути к Нарве, уже после того, как там оказался Петр I с основным войском. Поэтому царь приказал отстранить Брюса от командования войсками.

Исаак Ньютон. Худ. Кнеллера, 1689. Под руководством великого ученого Брюс, находясь в Англии, занимался математикой и астрономией

В кабинетных делах Петра сохранилась запись: «28 июля 1700 посланы из Москвы Яков Брюс, Иван Чамберс, Василий Корчмин до Новгорода наскоро. Они поспели в Новгород в 15 дней, за что гнев восприял от его величества Яков Брюс и от команды ему отказано. Послан, вместо Брюса, с полками, новгородский воевода Ив. Юр. Трубецкой». Тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Воевода Трубецкой под Нарвой попал в плен. Скорее всего, Брюса, останься он здесь со своими частями, ждала бы та же участь. А это, безусловно, положило бы конец и его блестящей карьере при русском дворе, и научным изысканиям. Благодаря же опале Брюс не был ответствен за катастрофу под Нарвой и оказался одним из немногих офицеров-иностранцев, не скомпрометированных этим пора-

жением. В 1701 году Петр возвратил Брюсу командование артиллерией и сделал его новгородским воеводой (главой новгородского приказа).

Великий Новгород. Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». Середина 1630-х – первая половина 1640-х гг.

Из церковных колоколов по указу Петра было отлито 300 пушек, что в значительной мере возместило потери под Нарвой. Брюс командовал артиллерией при взятии Нотебурга (Шлиссельбурга) в 1702 году и Ниеншанца в 1703 году. В 1704 году он участвовал во взятии Нарвы и был за это награжден земельными наделами в Новгородской губернии. В этом же году Брюс возглавил артиллерийский приказ. Неслучайно в Петербурге его дом стоял рядом с Литейным двором, где днем и ночью лили пушки.

Вместе с Меншиковым Брюс сражался в Польше, где в 1706 году был произведен в генерал-поручики и удачно командовал артиллерией в победоносном для русских сражении под Калишем. За победу в этом сражении, происшедшем 18 октября, Брюс был награжден именным портретом Петра I с алмазами. Во время этого похода завязалась дружба двух «Данилычей» (Петр называл Брюса Динылычем, а не Вилимовичем).

Александр Данилович Меншиков (1673–1729) – русский государственный и военный деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I, генерал-фельдмаршал, первый Санкт-Петербургский генерал-губернатор

В 1706 году Александр Данилович получает диплом князя Священной Римской империи и теперь именуется «Светлейшим». Он собирался достойно отметить это событие и 19 июля писал Брюсу из Хвостова: «Высокопочтенный Господин Генерал Лейтенант. Зело я удивляюсь, что ваша милость пороуху к нам отпустил столко, сколко к стрелбе против неприятеля надлежит. Или не может Господин Генерал разсудить, что иногда и мы ненасухе лежим; и в то время, чем про ваше здоровье стрелят, о чем прошу благаго разсуждения и пребываю Вашей Милости к службе охотный Александр Меншиков».

Из ответа Брюса 20 июля становится ясно, какого рода припасы требовались Меншикову: «...Желею что...пороха послал, которым от неприятеля поборонитца возможно, а для

лутчаго союза с Ивашкою Хмельницким ничего... И в том есть совершенно вина моя, толко ж есть причина тому, что и выше писанной порох займывал. А ныне, по получении своего пороха, для лутчаго возбуждения с Бахусом дружбы, послать квашему сиятельству 3 бочки пороха, в которых содержится по 80 выстрелов на всякую пушку, которыя посланы квашему сиятельству. А буде и сим да невозможно будет Ивашку к союзу провести, и мы впред вашему сиятельству услужим же».

Пристрастие «птенцов гнезда Петрова» «к исполнению «Бахусова закона» было характерно для них на протяжении всей жизни. Незадолго до процитированного последнего письма Брюс извещал Меншикова о поездке своей во Львов (Лемберг) и покупке там для себя «питья венгерского», привезенного из венгерского города Унгвара. «80 выстрелов» в письме – это 80 бутылок венгерского вина.

Узнав о дружбе Брюса с Меншиковым, многие знатные вельможи стали предлагать ему свои услуги в расчете, что замолвит слово перед Данилычем. Среди просителей был и его обидчик Ромадановский, с которым Брюс давно помирился.

В январе 1708 года у Брюса родилась дочь Наталья. Но она, как и ее старшая сестра, прожила недолго.

В 1708 году Брюс командовал левым крылом русской армии в сражении при Лесной, и за победу ему были пожалованы «брянских посопных слобод... 219 дворов». А в 1709 году в Полтавской битве опять командовал артиллерией, насчитывавшей тогда 102 орудия – против 4 шведских. За время двухмесячной осады и неоднократных попыток штурма крепости шведы растратили весь свой оружейный боеприпас и фактически лишились артиллерии. Во многом это последнее обстоятельство сыграло решающую роль в ходе Полтавской баталии 27 июня, во время которой пушки Брюса сыграли решающую роль. За Полтавскую викторию Яков Вилимович получил из рук Петра орден Св. Апостола Андрея Первозванного. В 1710 году Брюс участвовал во взятии Риги, в 1711 году вместе с Петром был в неудачном Прутском походе против турок и был пожалован званием генерал-фельдцейхмейстера, т. е. начальника всей артиллерии и инженерных войск. В 1712 году Брюс командовал артиллерией в совместном походе русских, датских и саксонских войск в Померанию и Голштинию. От саксонского и польского короля Августа Брюс получил польский орден Белого орла. Тогда же он вербовал в Германии офицеров и гражданских специалистов на русскую службу.

Берлин в 1652 г. на гравюре знаменитой мастерской Мериана. В 1711 году Петр отправил Брюса в Берлин «для найму мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны»

В 1711 году Петр отправил Брюса в Берлин «для найму мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны». Вполне доверяя широким познаниям и деловой эко-

номности Брюса, царь в сопроводительной грамоте писал: «И что он, генерал наш, им в контрактах обещает и заключит, то от нас все сдержано будет без умаления». В 1712 году Петр в письмах к Брюсу то просит навести справки об одном из немецких архитекторов и при благоприятном результате заключить с ним контракт, то поручает найти мастера редкой перспективной живописи, то переманить в русскую службу искусного садовника, устроившего королевские парки. Занимался Яков Вилимович и покупкой инструментов для научных и мореходных целей. Приобретал художественные произведения и редкости для царского собрания. Во время таких поездок он познакомился с немецким ученым Г. Лейбницем и потом вел с ним переписку.

В 1714 году он был уличен в хищении казенных денег. Яков Вилимович уже давно занимался производством пушек и снарядов к ним, распоряжался огромными подрядами, и изрядное количество презренного металла действительно прилипало к его рукам.

Осенью того же года вместе с князем Меншиковым, адмиралом Апраксиным, фельдмаршалом Шереметевым, адмиралтейским президентом Кикиным и некоторыми другими Брюс был заподозрен в «хищении государевой казны» и противозаконных подрядах под чужим именем. С 27 октября по 23 декабря по этому делу было арестовано («взяты под караул») и допрошено несколько купцов, приказчиков большинство артиллерийских подрядчиков, комиссаров, секретарей, бургомистров, извозчиков. Был наложен арест на документы Военного, Поместного и Артиллерийского приказов. Комиссия, созданная для расследования дела в начале 1715 года, под председательством В. В. Долгорукого, признавала виновными в казнохищении Меншикова, Апраксина, Брюса, Кикина и петербургского вице-губернатора Корсакова, из всех пострадали два последних.

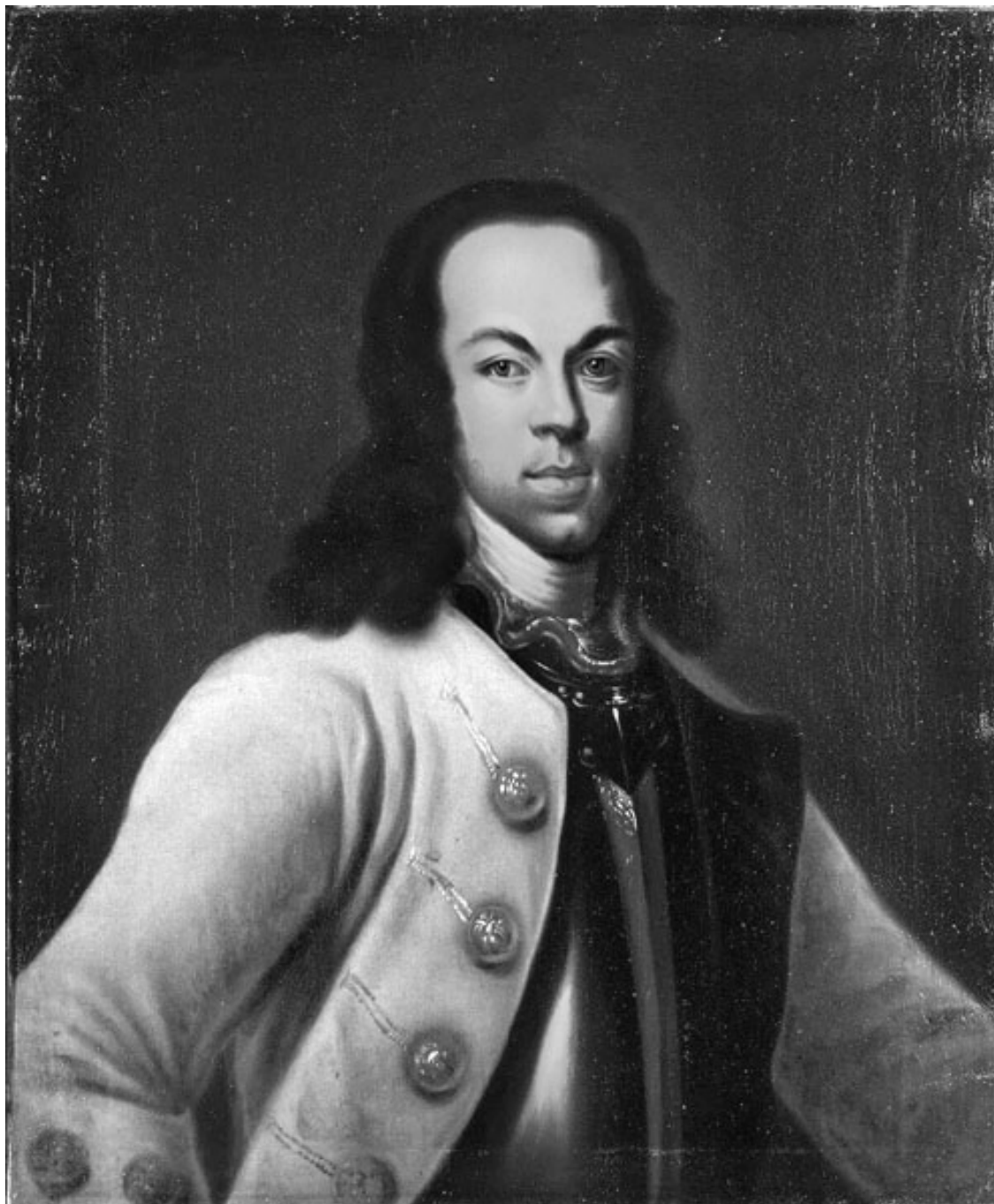

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) – немецкий философ, лингвист, математик, механик, изобретатель, физик, юрист, историк, дипломат; основатель и первый президент Берлинской Академии наук, иностранный член Французской Академии наук. С немецким ученым Брюс познакомился во время одной из зарубежных поездок и потом вел с ним переписку

Петр на своего любимца гневаться не стал. Царь понимал, что ему неким заменить первого российского артиллериста – и как видного полководца, знатока артиллерии, и как талантливого организатора военного производства.

Английский посол Ч. Витворт в 1709 году сообщал, что Брюса высоко ценят при русском дворе: «Он очень хорош и с царем, и с князем Меншиковым». Дружбы Брюса искал

фельдмаршал Б. П. Шереметев, писавший: «Паки прошу: не оставь меня в любви своей и не чини меня забвенна...».

Портрет царевича Алексея Петровича. Худ. Иоганн Готфрид Таннауэр

Брюс был не только верным исполнителем державных замыслов Петра, но и принимал участие в его семейных делах. Петр поручил Якову Вилимовичу регулярно посещать царевича Алексея, надеясь, очевидно, что беседы умного и широко образованного человека повлияют на непутевого наследника. При дворе царевича состояла и супруга Брюса Мария Андреевна (Маргарита Мантейфель).

Близость Брюса и царевича породила слухи о том, что в 1715 году жена Брюса находилась при кронпринцессе неотлучно «чуть ли не в качестве шпиона». Слухи, без сомнения, беспочвенные, потому что Яков Вилимович в какой-то степени считал себя ответственным

за сына царя, и эта ответственность перекладывалась на плечи Марфы Андреевны, которая добровольно взяла на себя опеку над кронпринцессой Шарлоттой в ее адаптации к российским условиям. Кроме того, Шарлотта не отличалась крепким здоровьем – в ее положении (она родила сына Петра, будущего Петра II, 12 октября 1715 года) очень важно было внимание женщины, старшей по возрасту, отличающейся материнским участием к урожденной принцессе Бланкенбургской. Шарлотта нуждалась в женском покровительстве еще и потому, что у Алексея, как известно, в начале 1715 года появилась любовница – Ефросинья, дочь его учителя Никифора Вяземского. Поэтому он не только охладел к жене, но и достаточно отдалился от нее.

Как старшая по возрасту, пережившая смерть своих дочерей в младенчестве, довольно продолжительное время жившая в разлуке с мужем, бывшего месяцами в военных походах и поездках за границу, Марфа Андреевна могла утешить Шарлотту и действительно заменить ей мать.

После рождения сына Шарлотта заболела. В эти дни Алексей был подле Шарлотты, раскаивался в своей измене, однако она прожила после рождения сына 10 дней и умерла 22 октября 1715 года.

Характерно, что под смертным приговором Алексею Брюсу свою подпись не поставил. Однако это объяснялось тем, что в июне 1718 года, когда выносился приговор, он с женой находился на Аландском конгрессе и физически не мог поставить свою подпись.

Весной 1723 года Петр праздновал очередную годовщину бракосочетания с Екатериной. Яков Вилимович, распоряжаясь торжествами, устроил в Петербурге грандиозную процессию кораблей, поставленных на полозья и запряженных лошадьми. Кампредон рассказывал: «Царь ехал на 30-пушечном фрегате, вполне оснащенном и с распущенными парусами. Впереди в шлюпке в виде бригантина с трубами и литаврами на носовой части одного ехал распорядитель праздника, главный начальник артиллерии граф Брюс».

В 1716 году Брюс разработал артиллерийский устав. Брюсом также была изобретена новая скорострельная пушка, позволявшая в течение семи минут производить 15 выстрелов.

Брюс достиг больших успехов в создании и усовершенствовании русской артиллерии. В 1720 году он получил новый состав пороха, который превосходил по качествам все известные в то время составы пороха и обеспечивал максимальную точность и дальность стрельбы. Об этом упоминается в «Записке на память, о чем доложить его царскому величеству». В том же году 23 февраля Брюс был назначен генерал-директором над фортификациями. Отныне в его ведении находились все российские крепости.

Среди всех поручений, исполняемых Брюсом, особое место занимает его деятельность на посту президента учрежденной 15 декабря 1717 года Берг-Мануфактур-коллегии (ранее Брюс был начальником Артиллерийского приказа и Инженерной канцелярии). Выбор, сделанный Петром при назначении Брюса на эту должность, был неслучайным. Будучи губернатором Новгорода в 1701–1704 гг., Яков Брюс активно занимался развитием мануфактур, делал перепись всех находившихся в городе и его окрестностях мельниц, работавших в качестве источника двигательной силы на предприятиях.

По предложению Петра коллегия разрабатывала каноны при формировании компаний, ссужая компанейцев деньгами, часто передавая в их пользование готовое фабричное оборудование. Государство, таким образом, становилось главным кредитором крупной промышленности и осуществляло тщательный надзор за деятельностью компаний. Это вмешательство в частное предпринимательство коллегия считала своей обязанностью. Она «принуждала» подданных строить компании и строго наблюдала за «порядочным содержанием» их. «Без доношения в коллегию» ничего нельзя было сделать. От фабрикантов требовалось ежегодно доставлять в коллегию образцы своих изделий; коллегия устанавливала вид и форму изделий, цены на них, а также запрещала продавать в розницу товары, которые изготовлялись по

казенному заказу. Коллегия поощряла успешных предпринимателей и карала неудачников. В царском указе так и говорилось: «Буде они (компанейшики) оный завод радением своим умножат и учинят в нем прибыль, и за то они от него, Великого Государя, получают милость, а буде не умножат и нерадением умалят, и за то на них взято будет штрафа по 1000 рублей на человека». «Нерадивых» просто «отрешали» от фабрик.

Это открывало большой простор для злоупотреблений, поскольку, кто хорошо ведет дело, а кто – нет, решали в коллегии. Брюс, надо полагать, тоже погрел на этом руки, иначе то состояние, которое он имел к концу жизни, можно было бы объяснить только с помощью изобретения философского камня, превращающего свинец в золото. На практике же Яков Вилимович, приступивший к обязанности президента Берг-мануфактур коллегии только в 1719 году, после возвращения с Аландского конгресса со шведами, действительно делал золото, причем без всяких алхимических чудес, в которые не верил, и из свинца, и из пороха, и из пушек, ядер, кожевенных изделий и многого другого. Ведь как генерал-фельдцейхмейстер он принимал все казенные заказы, а как глава Берг-мануфактур коллегии эти заказы распределял. Это создавало идеальные условия для коррупции. Своим любимчикам Петр коррупцию прощал. Правда, одному из любимых «Данилычей», Меншикову, император иной раз основательно драил физиономию, когда, по его мнению, «светлейший» из «худородных» дворян (или вообще из мелких торговцев, как гласила молва) крал, не зная меры. По отношению же к другому «Данилычу», Брюсу, Петр рукоприкладства никогда не допускал, очевидно, из уважения к древности и знатности иностранного рода. Во всяком случае, и источники, и предания на этот счет никаких свидетельств не дают.

Очевидно, Петр в глубине души сознавал, что в созданной им же сверхцентрализованной бюрократической системе управления не воровать не могут, тем более что при развитии торговли и промышленности через руки чиновников проходили кругленькие суммы в звонкой монете (а чеканил монету тот же Брюс). Это тебе не прежние натуральные «кормления» дьяков и воевод в натуральной по своей экономической сути Московской Руси. При Петре вельможам было где деньги потратить – и за границей, и в Петербурге, где жить можно было на широкую ногу. Петр, повторяю, все это сознавал. Иначе не выделил бы на содержание чиновничества всей огромной Российской империи сумму, равную той, которая в только что побежденной Швеции шла на содержание чиновников в одной только крохотной Эстляндии, чье население было меньше российского раз в 40–50. Перед великим голодом 1695 года оно насчитывало 360 тыс. человек, а население Российской империи в 1721 году – 15–16 млн. человек. Поэтому молчаливо предполагалось, что недостающее для прожития жалованье российские чиновники доберут взятками и прямым казнокрадством. А вот наказывать их император собирался в прямой зависимости от их служебного рвения и успехов. Как писал уже в XIX веке историк-краевед М.И. Пыляев, сибирский генерал-губернатор князь Михаил Петрович Гагарин, был повешен по приказу Петра за хищения и взяточничество, а «в то время Меншиков, Брюс и Апраксин крали, но их не вешали». Брюс оставил очень большое состояние. За последней представительницей рода Брюсов Екатериной Яковлевной, вышедшей в конце XVIII века замуж за графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина, дали в приданное 14 000 крепостных – огромное по тем временам состояние.

Если вельможи не только воровали, но и дело делали, да еще, как те же Меншиков, Брюс, Апраксин и прочие, были незаменимы как полководцы, флотоводцы, организаторы торговли, промышленности, монетного дела, специалисты по фортификации и другим наукам, то самодержец на их мздоимство смотрел сквозь пальцы. А вот если воры и казнокрады оказывались еще лентяями и бездельниками, проваливавшими порученные им дела, или, как сибирский генерал-губернатор князь Гагарин, стремились править самовластно, без оглядки на Петербург, то их настигала суровая кара, вплоть до смертной казни, именно за казнокрадство и взяточничество. Кстати, кое-кто из «птенцов гнезда Петрова», благополучно избе-

жав репрессий за коррупцию в период царствования своего благодетеля, позднее, проиграв в борьбе за власть, подверглись наказанию за казнокрадство, как говорилось в официальных обвинениях. Такая судьба, как известно, постигла друга Брюса – всемогущего генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова, когда тот, проиграв в царствование Петра II борьбу за власть князьям Долгоруковым, был совершенно справедливо обвинен в казнокрадстве и сослан в Березов.

Подразумевалось, что и на более низком уровне вышестоящие чиновники будут руководствоваться теми же принципами, что и сам Петр. Однако на самом деле на этих уровнях судьба чиновника зависела главным образом от того, насколько он делился с вышестоящими начальниками поборами с купцов и промышленников и похищенными казенными суммами. Потому-то многие петровские начинания довольно быстро уходили в песок и вызывали ненависть населения, видевших в них только источник новых поборов, легальных (в виде повышения налогов и введения все новых повинностей) и нелегальных (в виде взяток).

Но собственное обогащение у Брюса никогда не стояло на первом месте. Главным для него было дело. Брюс организовывал разработку полезных ископаемых, в частности, серы и селитры, необходимых для производства пороха, и железной руды, из которой производился металл для пушек (одних колоколов для них хватить не могло). Занимался он и развитием мануфактур в России. Петр издал указ, согласно которому «Коллегиум-мануфактур имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются к оному правлению, какого б звания ни были, во всей Российской империи».

16 февраля 1720 года в ведение президента Берг-Мануфактур-коллегии поручается Петербургский монетный двор. Этот шаг был вынужденным, и сам Брюс стал его инициатором, обратившись с докладом к Сенату. В России еще в 1718 году была введена медная монета для размена денег. Серебряные монеты собирались вывести из обращения. Однако эта мера способствовала инфляции и росту числа фальшивомонетчиков. Поэтому Брюс ратовал за денежную реформу, подобную той, которую в 1698 году провел в Англии И. Ньютон. Она помогла решить проблему фальшивых денег.

Введение медной монеты изменило структуру российской металлургии. Если в начале XVIII века был большой спрос на железо и чугун в связи с продолжавшейся Северной войной, то с указом Берг-коллегии 1721 года пришлось сдерживать дальнейший рост железоделательных заводов, так как с прекращением войны производство черных металлов стало избыточным. А вот меди не хватало. В заметке, датированной 14 февраля 1724 года, Петр предполагал дать возможность частным лицам, «медь у ково есть в домах», переделывать за плату на Монетном дворе в «деньги» и даже склонялся к идее, перечеканки колоколов в монету, чтобы окончательно вывести из употребления серебряные копейки. Разрабатывавшиеся у Онежского озера медные рудники были и небогаты, и неудобны для выемки породы. Надежда была только на богатые медные рудники Урала, которые стали основой медной промышленности.

Предложения Брюса сводились к следующему: не вывозить серебро и золото за границу, чтобы не допустить утечки старых высокопробных копеек, которые выгоднее было переплавить на низкопробные монеты тех же или даже более высоких номиналов; не впускать монеты из-за границы, чтобы избежать попадания в Россию фальшивых монет; освободить от пошлин серебро и золото, предназначенное для монетных дворов; перевести все монетные дворы в Петербург. С 1723 года началось строительство Монетного двора в Петербурге. Брюс также предложил медную монету чеканить в определенной пропорции к серебряной, не превышающей 1:10, и временно прекратить чеканку медной монеты, хорошо освоившей фальшивомонетчиками, а имевшуюся в обращении выменять и переделать.

Все эти меры затруднили деятельность фальшивомонетчиков. Борьба с ними была довольно жесткой, но порой Брюс проявлял и гуманизм. Так, 5 февраля 1723 года Брюс

лично объявил в Берг-коллегии указ об отсечении головы фальшивомонетчикам, которые, с «влитым в горло расплавленным металлом, не скоро умирают». Отсечение головы, очевидно, было менее мучительной казнью.

Монетный двор в Петербурге

В итоге в денежном обращении России в первой четверти XVIII века сложилась примерно та пропорция, которую предлагал Брюс. Серебряная монета стала основной, она составила – 88,5 %, медная монета – 9 %, золотая монета – 2 % от общей суммы чеканки. Самый большой доход казна получила от передела серебра – 8366 тыс. руб. (при среднем довом в 322 тыс. рублей).

Брюсу приходилось много трудиться и на дипломатическом поприще. В 1718 году он был отправлен первым министром (главой делегации) на Аландский конгресс для переговоров о мире со Швецией. Вторым русским представителем, подчиненным Брюсу, был Андрей Иванович (Генрих Иоганн) Остерман, будущий всесильный канцлер в царствование Анны Иоанновны.

Андрей Иванович (Генрих Иоганн) Остерман (1687–1747) – один из сподвижников Петра I, фактически руководивший внешней политикой Российской империи в 1720-е и 1730-е годы, но после переворота 1741 года попавший в опалу

18 февраля 1721 года, за два месяца до выезда в Ништадт для продолжения переговоров со шведскими представителями, Брюс был удостоен титула графа. На графском гербе Брюсов была изображена стена с летающим горящим ядром, символизирующая его военные заслуги, а также голова орла с короной – символ прозорливости и успеха в строительстве нового государства. Для разработки герба

Брюс еще в 1720 году сделал запрос к своим шотландским родственникам. В результате в Россию приехали шотландские Брюсы, подтвердившие высокородство Якова Вилимовича.

За основу своего герба он взял герб шотландских Брюсов – Андреевское пурпурное распятие на золотом фоне – это изображение в форме щита размещено в центре щита на гербе Якова Вилимовича.

Девиз «Fuimus» – по-латински «Мы были» – шотландских Брюсов стал девизом, помещенном на ленте герба русского графа Брюса. На гербе было также изображение английской короны на одном из рыцарских шлемов (с правой стороны) с тремя нитками жемчуга, что соответствует титулу европейского барона или английского лэрда (в отличие от лорда, лэрд менее высокий титул).

Герб Я. В. Брюса

На гербе Я. В. Брюса были запечатлены основные виды его деятельности. Щит герба разделен на 4 поля, симметричных по диагонали, по которой щит пересекает изображение крепостной стены с летящими через нее зажженными ядрами на голубом фоне. На серебряном фоне щита изображены две головы орла с коронами, показывающие принадлежность Якова Вилимовича к королевской фамилии Брюсов. Третья голова орла вынесена за пределы щита и возвышается на еще одном рыцарском шлеме (с левой стороны), имеющем корону с 9-ю жемчужинами – соответствие графскому титулу. На щите сделаны также дуги зеленого цвета. Это отражает дипломатическую деятельность Брюса, его непосредственное участие в переговорах со шведами.

Щит поддерживают Лев – символ силы и символ чистоты и Белый Единорог – символ непобедимости. Вокруг щита помещена цепь кавалера ордена Святого Андрея Первозванного со словами «За веру и верность» (этот элемент присутствует только на личном гербе Брюса, а не на родовом). Над щитом – три рыцарских шлема, центральный из которых укра-

шен растительным венчиком. Сверху герба, по центру – рука с маршальским жезлом – изображение, отражающее военную деятельность графа Брюса.

А вот как родовой герб был описан в Дипломе, данном Брюсу в 1721 году на графское достоинство: «...на поле золотом крест святого Андрея и верх щитовый краснорожовый над шлемом тогожде степени приличным плащом красным серебром раскрашенным и венцем тех же цветов украшенным, вместо перья пишется плечо вооруженное, булаву в руке держащее, поддержат, от десные страны лев краснорожовый, от левые же единорожец природного цвета с щитовым сим написанием: «Быхом» (т. е. fuimus)...».

К старому родовому гербу «в прибавку» было дозволено следующее: новый щит, разделенный на 4 части, в синем поле – часть белой городской стены, «справа наось налево стоящую»; над стеной – «ядро огненное с тремя пламенами натурального цвета». Также в гербе присутствует черная «орловая голова» с короною, шлемы и украшения, изображения баронских корон. Все это мы видим и на знамени Брюса – и «орловые головы», и баронские короны, а также золотую цепь с косым андреевским крестом и девизом ордена: «За веру и верность».

Текст «Жалованной грамоты на графское достоинство» гласил:

«Мы, Божиею милостию Пресветлейший и Державнейший Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея Великая и Малая и Белая России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея северных страны повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и горских князей, и иных многих государств и земель восточных и западных и северных отчич и дедич наследник, Государь и Обладатель.

В поминование на будущие годы Мы чрез сей Наш настоящий Царский диплом извещаем и подтверждаем всем и каждому, яко властью Нашей самодержавною, данною Нам от Всевышнего Бога на всю нашу наследственную Российскую Империю и на подвластные обширнейшие царства и княжества распространяемою, коей присущи все почести и высшие степени достоинства Империи Нашей, яко издревле существующие, тако же и волею Нашей вновь введенные, единственные каждая в своем роде и признаке, токмо из милости Нашей о Насвоздаваемая к возведению в высшую степень чести титулования, определить повелели, яко Мы сами обыкновение имеем, к рассмотрению за все подвиги и превосходнейшие заслуги слуги Нашего, коего Мы в степень высшего достоинства возвести соизволяем и тако определяем вельми любезного нам и вернейшего генерала Нашего, Артиллерии Начальника, Кавалера Ордена Святого Апостола Андрея, и Президента Коллегии Берг- и Мануфактур- Якова Вилимовича Брюса.

Тако ж поелику открыл он через генеалогию свою и чрез грамоты родовые вернейшие, кои в Императорскую Посольскую Коллегию представил с припиской от Верховного Магистра иностранных дел королевства Шотландского с гербовой печатью сего королевства и с должными собственноручными подписями. В удостоверение на сих грамотах, кои будучи тщательно изучены, верно свидетельствуют, что происходит он из стариннейшего шотландского рода Брюсов, из ветви его, именуемой Клакманнан, из каковой ветви и два короля шотландских происходят, а именно – в 1330 году по Рождеству Христову был королем Роберт, а после оного сын его Давид (даты здесь неверные: Роберт I правил с 1306 по 1329, а Дэвид II – с 1329 по 1371 годы. – Б. С.). Также и прадед сего нашего генерала от артиллерии Якова Вилимовича, также именем Яков и фамилией Брюс, происходит из той же ветви от родителя своего Роберта Брюса, кавалера высших орденов, по линии этой ветви седьмого барона

Декламан (Клакманнан), который был младшим братом седьмого барона по линии Роберта Клакманнана (на самом деле – восьмого барона. – Б. С.). Дед же сего нашего генерала от артиллерии, Роберт, также из ветви Клакманнанов, сын же сего Роберта, он же отец сего нашего генерала от артиллерии, Вилим, в 1647 году приехал из Англии в царство Российское и служил тут славной и незабвенной памяти Родителю Нашему Его Величество Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Самодержцу всея России, и братьям Нашим – Царям и Великим Князьям Федору Алексеевичу и Иоанну Алексеевичу Самодержцам всея России, а также и Нам, с искреннею преданностью и верностью на разных должностях, за что и произведен был в 1680 году в полковники войска Нашего, и в том же году умер (на самом деле Вилим Брюс в полковники был произведен в 1658 году, а в дальнейшем получил еще чин генерал-майора; кроме того, он никак не мог служить самому Петру и его брату Ивану, поскольку они вступили на престол только в 1682 году. – Б. С.).

После того, сын его, помянутый уже выше Яков Вилимович, был в 1688 году (на самом деле – в 1686 году. – Б. С.) произведен в прапорщики на службе нашей. И служил Нам в двух Крымских походах военных в 1689 и в 1691 годах (в действительности – в 1687 и 1689 годах. – Б. С.). После того ходил он в два похода Азовских. И в первом из них был майором и командовал артиллерией Нашей (в первом походе Брюс был инженером-фортификатором. – Б. С.). Во втором же походе 1696 года служил он на корабле, исполняя обязанности морского капитана. И в том же году за свою ревностную службу воинскую произведен был из майоров в полковники.

Тогда же, начиная с 1698 года во время первого путешествия Нашего в европейские государства, был он с нами в Англии и в Голландии, где участие принимал во всех делах и всяческие поручения с прилежнейшей верностью выполнял.

И в 1700 году произведен был Нами в генерал-майоры, и в том же году, при начале войны со Шведским королевством, был он в походе с армией под городом Нарвой (эпизод с опалой, после которой Брюс покинул Нарвскую армию еще в Новгороде, здесь, разумеется, не говорится. – Б. С.).

В 1701 году послан он в Новгород, где был губернатором Нашим, и службу сию отправлял с отменнейшим тщанием днем и ночью. Так четыре года служил он Нам в Новгороде, участвуя также и в походах военных противу шведов, а так же в осадах шведских городов: Нотебурга в 1702, и Канцеппа (Ниеншанца. – Б. С.) в 1703 году, где командовал артиллерией Нашей и паки отмечен был нами за подвиги и труды свои премногие и отменнейшие.

В 1704 году поставили Мы его Верховным Начальником над всею Нашей артиллериею, как полевою, тако и в крепостях и цитаделях обретающейся. В том же году участвовал он в сражении и взятии Нарвы и Иван-города, и во время событий премногие подвиги совершил и паки служил Нам с усердием и верностью. И в 1705 году бывал сей Яков Вилимович постоянно с армиею и в Литве, и в Польше, где всею Нашею артиллерию изрядно командовал.

И в 1706 году за все свои многие подвиги ратные и службу верную произведен был Нами в генерал-поручики. В том же году он вкупе со Светлейшим Князем Нашим Меншиковым воевал в Польше под городом Калиш противу шведского генерала Мардефельда, над коим во главе войск наших полную викторию одержал. А в 1708 году во время войны армии Нашей противу шведов во главе с их генералом графом Левенгауптом в баталии под Лесной командовал он левым крылом, и все шведы до единого побиты были.

В 1709 году участвовал он в баталии кровопролитнейшей под градом Полтавою, где Мы зело славнейшую викторию над шведами одержалии всю их шведскую армию наголову разбили. В баталии же той сам шведский король Карл XII участие принимал и позорным бегством едва себя от плена избавил. В сражении том сей Яков Вилимович зело храбро себя выказал и многие подвиги ратные совершил, за кои не токмо награждения воински получил, но Нами был возведен в достоинство Кавалера Ордена Апостола Андрея.

В 1710 году во время осады Нашим войском града Риги, он паки артиллерией Нашей вельми умело командовал, забрасывая сей град гренадами горящими, и подкопы под стены подводил.

И после был вкупе с другими послан по Нашим надобностям в город Данциг и дела там вел Наши. В 1711 году принимал он участие в походе противу турок в Валахии, где паки артиллерией Нашей командовал и во всех баталиях вместе с Нами пребывал и отменными подвигами вновь прославился за кои произведен был Нами в генералы-от-артиллерии.

В том же году вкупе с другими послан ехать он был в Данциг с поручением Нашим. А в 1712 году пребывал с армией Нашей в Померании и Голштинии, где Нашего, а также датского и саксонского артиллерией изрядно командовал, чем и заслужил многие награды.

В 1718 году, поелику большую ученость и опытность в делах показал, был он назначен Нами Президентом Коллегии Берг- и Мануфактур-, и с того же времени включен был в Наш Правительствующий Сенат для управления государством и решения дел гражданских в Сенате. И везде себя отлично показал, со тщанием и верностию паки службу свою исправлял.

В 1718 году изволили Мы назначить сего Якова Вилимовича Нашим Первым Полномочным Министром на Аландский Конгресс, где он со шведскими министрами в продолжение целого года и даже более, артикулы трактата мирного составлял и в негоциях сих премного потрудился и преуспел к пользе и интересу государства Нашего, не говоря уже о том, как зело много советов мудрых и добровременных Величеству Нашему Царскому подавал в разных оказиях, сам же о себе скромность изрядную сохраняя.

В признание же всех его изрядных подвигов и трудов неустанных, и служения верного и преданнейшего Нашему Величеству, и в воздаяние за все оные деяния ныне признали Мы за благо и повелеть соизволяем, из Милости Нашей и велия благоволения, возвести генерала Нашего Артиллерии Начальника, Кавалера и Президента в звание Графа Империи Нашей Российской, что и возвещаем, утверждаем и заповедуем в поминование ему и всем его будущим наследникам, сыновьям и дочерям, и даруем сей настоящий Наш Царский Диплом, который Мы составили и подписываем ныне во имя Всемогущего Бога, от Него же все власти, почести и достоинства исходят, в том, что сей помянутый господин Яков Вилимович Брюс и все его потомки и законные наследники обоих полов, в знак милости Нашей изъявляемой, и властию Нашей Императорской, от Бога данной, да будут они отныне и впредь во всех пределах Империи Нашей именуемы и почитаемы яко Графы и титулом сиятельства, и для того Мы сей Наш Диплом вручаем и передаем сему Нашему Генералу от Артиллерии и всем потомкам его, дабы всех и каждого известить и уведомить дабы впредь они не токмо в пределах Империи Нашей Российской графами сиятельными именовались и почитались, но и в иных царствах и княжествах за оных почитаемы были, и почести, сану их приличные, везде обретали.

И герб его родовой тако умножив отныне впредь иметь позволяем, а именно: в золотом поле Крест Святого Андрея и слава пурпурные, и поверх шлема по рангу его, намет червонный с серебром, и бурелет тех же цветов. В нашлемник рука в латах держащая булаву. С правой стороны лев пурпурный щит поддерживает, а с левой единорог натурального цвета и девиз гербовый-FUIMUS, и к исконному его гербу добавление за всю его Нам верную и прилежную службу, как при взятии городов неприятельских, тако и в баталиях соучастие таковой герб преписываем и жалуем: щит новый на четыре части разделенный, в середине коего да будет его прежний щиток, как уже выше описано, а с первой и третьей части щита в лазоревом поле часть белой городской стены справа налево наискось положенной, над которой ядро огненное с тремя языками пламени натурального цвета за его верную и правильную нам службу в то время, когда он Нашим Первым Полномочным Министром на Аландском Конгрессе, а во второе и четвертое поле назначаем ему в белом поле с боков две дуги темно-зеленого цвета, одна напротив другой расположенные, между которыми черная голова орла

с короной, и как в гербе его изображено над щитом кроме прежнего шлема еще два поставлены, а именно: справа имеющий корону баронскую, на коей часть городской стены, как в первом и третьем поле щита изображено, а слева шлем, имеющий корону графскую, на коей черная голова орла с короной, как во второй и четвертой части щита изображено, а также намет и щитодержатели, и девиз таковой, как и в прежнем его гербе.

Итак, Мы, Пресветлейший и Державнейший Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич Самодержец Всероссийский Нашей Империи Российской и царств любезных Наших подданных, как духовных высших и низших орденов, так и мирских в Нашего Царского Величества Сенате заседающих, чьи статуты и ордена как военные, так и гражданские, и всем подданным Империи Нашей Российской приказываем, и мандат Наш собственный принимаем и утверждаем, также остальных Властителей, чужеземных князей и всех прочих Государей и Принцев, дружески просим, чтобы сего выше помянутого Нашей Российской Империи Графа, генерала от артиллерии, Кавалера и Президента Якова Вилимовича Брюса, а также всех его законных потомков мужеского и женского полу по нисходящей линии отныне и навеки за графов Российской Империи Нашей признавать, величать, писать и именовать, под страхом и наказанием Нашего Величества гнева и пеней в сто золотых чистого золота фунтов, из них в Нашу казну половина полагается, также и иноземных Государей просим поступать.

В свидетельство сей Нашей милости и возведения в степень достоинства высшую, печать сию Нашей Империи Российской прилагает с подписанием собственною Нашею Царскою рукою.

Дано в Нашем Царском граде Петербурге в год от Рождества Христова 1721 февраля 18 дня, а царствования Нашего в 39 год».

Когда 30 августа 1721 года Брюс подписал со Швецией Ништадтский мир, закреплявший все российские завоевания, царь пожаловал его поместьями с 723 дворами в Кексгольмском и Козельском уездах. Царь, который уже собирался было оставить шведам Выборг, но не успел сообщить об этом своим послам, очень обрадовался, что им удалось добиться мирного договора, не поступившись ничем. Он писал в связи с этим Брюсу и Остерману: ««Господа полномочные! я намерен был ехать к Выборгу для осматривания границ; но приезжая к Дубкам, получил от вас подписанный и разменный трактат, которая, нечаянная так скоро, ведомость нас всех зело обрадовала, и что сия трехвременная жестокая школа такой благий конец получила. Понеже трактат так вашими трудами сделан хотя б написав нам, и только бы для подписи послать господам шведам, более бы того учинить нечего, за что вам зело благодарствую, и что славное в свете дело ваше никогда забвению предатися не может, а особливо (поелику) николи наша Россия такого полезного мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались: занеже все да будет Богу, всех благ виновнику, выну хвала».

Через 10 дней после праздника в честь Ништадтского мира, внимание царя к Брюсу выразилось особенно ярко на, в описании которой от 1 ноября, очевидец, голштинский камер-юнкер Берхгольц особо отмечал: «Император сидел недалеко от входных дверей, но так, что мог видеть танцевавших; около него сидели все вельможи, но его величество большею частию разговаривал с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом, сидевшим подле него с левой стороны».

Влияние Брюса проявилось, в частности, в процессе вице-канцлера Шафирова с обер-прокурором Скорняковым-Писаревым, дело которых рассматривалось на заседании сената 31 октября 1722 года, Брюс, вместе с Меншиковым и Головкиным, ушел из зала заседания, сказав, по словам донесения Меншикова царю: «когда в сенате обер-прокурор вор (так обозвал Скорнякова Шафиров), то как нам дела при том отправлять?». 8 января 1723 года Яков Вилимович, как сенатор, «обеим сторонам не подозрительный», был назначен первым чле-

ном комиссии Верховного Генерального Суда и в этом качестве вместе с Матвеевым и Мусиным-Пушкиным, задавал вопросы Меншикову, явившемуся ответчиком по делу Шафирова.

В результате следствия Шафиров был осужден на смертную казнь. Но во время исполнения приговора ему была объявлена замена смертной казни вечной ссылкой с лишением чинов и имущества.

7 мая 1724 года, при короновании Петром Великим Екатерины на престол императрицы, генерал-фельдцейхмейстер Брюс в свите царских регалий нес перед Государем императорскую корону. Его жена, Марфа Андреевна, вместе с княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и княжной Трубецкой, поддерживала шлейф императрицы.

В последние дни января 1725 года тяжело заболел царь. Брюс не только присутствовал во дворце со всею знатью, но и принимал участие в «конгрессе» первейших чинов Империи, провозгласившем на рассвете 28 января императрицу Екатерину преемницей умершего императора, причем «в том же преждереченном конгрессе от всех прошен Генерал-Фельдцейхмейстер Сенатор и Кавалер граф Яков Брюс, дабы принял на себя труд о обустроении погребения императорского и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств. И его превосходительство, получив себе в помощь господина генерала Бона и выбрав угодных к тому делу управителей и прочих помощников, тако ж и вся к тому нужная изготовив и мастеров разных художеств созвав, со всяким тщанием ему врученное дело производил и исполнил». После смерти Петра Брюс возглавлял траурную комиссию и руководил разработкой погребального церемониала. В память императора Яков Брюс создал рисунок к 1160 золотым (от 4 до 50 червонцев) и 10900 серебряным медалям. Этот рисунок был представлен в Сенате 24 февраля 1725 года и утвержден с некоторыми изменениями обратной стороны медали: вместо «лежащих на земле корон и прочего» решено «быть столику и на нем скипетр и держава».

Блюдо «Коронация Екатерины I». Москва, 1724–1727. Мастер Николай Федоров. На серебряном блюде изображен один из центральных моментов первой российской коронации, состоявшейся в Успенском соборе Московского Кремля 7 мая 1724 года, – возложение Петром Великим императорской короны на жену Екатерину. Слева за фигурой Петра изобра-

ражен граф Я. В. Брюс с золоченой подушкой для короны в руках. Именно он внес новый символ монаршей власти в собор

Кроме памятных медалей, Я. В. Брюс разрабатывает церемониальные планы погребения Петра. Эти планы включали:

«Реестр певчих при гробе.

Изложение указа императрицы Екатерины I о погребении Петра I и Натальи Петровны (дочь Петра Алексеевича умерла 2 марта и была похоронена вместе с отцом).

Порядок, как поступать при погребении (инструкция на 8 листах).

План погребальной церемонии (на 13 листах, в виде раскладушки).

...

Донесения об участниках погребения.

Опись участников погребения.

Опись подданных шедших в церемонии (всего 69 человек).

Церемония шествия в рисунках...».

Брюс расписал на 166 листах церемонию погребения до мельчайших деталей. Петр I был похоронен 10 марта. Работами по бальзамированию тела императора также руководил Брюс.

В начале царствования Екатерины I Брюс, как генерал-фельдцейхмейстер, продолжает оставаться руководителем артиллерийского ведомства. В России не только была создана мощная артиллерия, но и, что еще важнее, были заложены основы ее дальнейшего развития.

Павел Иванович Ягужинский (1683–1736) – государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, генерал-аншеф, первый в русской истории генерал-прокурор

Он продолжал свои занятия и по коллегиям, и по артиллерии; но, не желая участвовать в интригах и начавшейся борьбе за власть, несмотря на милость императрицы Екатерины I, пожаловавшей Брюсу только что учрежденный орден Св. Александра Невского, не будучи включенным в члены Верховного Тайного совета, Брюс стал просить отставку.

Тем временем генерал-прокурор П. Ягужинский, подавая императрице сочиненную им «Записку о состоянии России», отмечал: «Не малый апартамент в государстве артиллерия,

а генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел, а на его место не токмо кто видится быть достоин, но ниже и в помышление приходит кому, чтоб на его место человека заранее усматривать».

Но уже на открытии 27 декабря 1725 года своего детища – Академии Наук – Брюс не присутствовал «из-за недомогания». Вероятно, в то время Брюс уже был серьезно болен, возможно, подагрой, на которую жаловался в письмах в последние годы жизни. Скорее всего, в этом заключалась причина значительного снижения интенсивности его государственной деятельности по основным должностям и последовавшей вскоре отставки.

Проспект вниз по Неве-реке между Зимним дворцом и Академией наук. Гравюра Качалова Г. А. и Виноградова Е. Г.; по рисунку Махаева М. И., 1753 г.

31 марта 1726 года Брюсу была выдана Жалованная грамота императрицы с перечислением всех его заслуг. После этого он подает прошение об отставке и получает ее 6 июля 1726 г. в возрасте 57 лет в чине генерал-фельдмаршала.

В последующем Яков Вилимович вел жизнь богатого пенсионера, увлекающегося наукой. 27 апреля 1727 году он купил за 4500 рублей серебром у князя А. Г. Долгорукова подмосковное имение Глинки, Богородского уезда, в 42 верстах от Москвы. С этого года он поселился в своем поместье Глинках и жил там до конца своей жизни, изредка наезжая в Москву и предаваясь исключительно научным занятиям.

Здесь Брюс разбил регулярный парк, выстроил дом с обсерваторией. Он сравнительно редко выезжал из имения, предпочитая заниматься любимыми науками. Брюс стремился подальше от Петербурга с его придворными интригами и поближе к Москве – месту, где он родился, где сохранялась Немецкая слобода, где было много близких ему людей по вере и духу. Во вторую столицу он время от времени наезжал, а вот первую покинул навсегда.

Отставной генерал-фельдмаршал увлекся медициной и оказывал помощь окрестным жителям, составляя лекарства из трав. Не доверяя докторам, Брюс также и себя лечил сам. Интересно, что до 1728 года действовал указ Петра I о запрете каменного строительства

в связи с застройкой новой столицы. Поэтому изобретательный Брюс построил на берегу Вори кирпичный заводик и возводил усадьбу из собственного кирпича. Так был построен главный усадебный дом с примыкавшими к нему жилыми помещениями.

Теперь усадьба Брюса – это гастро-энтерологический корпус санатория «Монино». Расположен там и музей, посвященный знаменитому владельцу усадьбы. В 1991 году на средства Всероссийского Фонда Культуры Государственным Историческим музеем был создан общественный Дом-музей Я. В. Брюса, являющийся в настоящее время единственным в московском регионе музеем, представляющим эпоху Петра Великого, и единственным в России, рассказывающим о Я. В. Брюсе. Согласно исследованиям группы лозоискателей под руководством кандидата технических наук И. Е. Кольцова, проведенным в 1988–1989 годах, подземные ходы соединяют все здания усадьбы и выходят далеко за ее пределы. Самые будоражающие воображение истории, связанные с личностью Брюса, как раз и посвящены многочисленным подземным ходами, которые будто бы не только соединяют все здания усадьбы, но имеют выходы за несколько километров от неё. По слухам, в этих таинственных подземельях хранятся магические книги и сокровища Брюса.

Все это очень смахивает на историю с поисками библиотеки Ивана Грозного и системой подземных ходов, будто бы связывавших между собой еще в Средневековье все основные московские здания.

30 апреля 1728 года умерла жена Брюса Мария (Марфа) Мантейфель. До ее смерти Брюс часто принимал в усадьбе гостей. Живя в Глинках, Брюс в первые годы довольно часто навещал Москву, был тесно связан с целым рядом московских государственных учреждений и находящимися в это время в Москве учеными. Не исключена возможность, что Брюс виделся даже с М.В. Ломоносовым, можно сказать, своим наследником по научной части, хотя Михаил Васильевич о такой встрече никогда не упоминал.

М. В. Ломоносовъ.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) – ученый-энциклопедист, химик, физик, астроном, приборостроитель, географ, металлург, геолог, поэт, филолог, художник, историк. Доподлинно неизвестно, встречались ли Ломоносов и Брюс в Москве, но, если у первого русского учёного-естествоиспытателя мирового значения и был предшественник, то это, безусловно, Яков Брюс

Всего о Брюсе, по оценке современных исследователей, насчитывается не менее 350 легенд – больше, чем о любом другом деятеле петровской эпохи, не исключая самого Петра Великого, и больше, наверное, чем о любом другом знаменитом жителе Москвы или Санкт-Петербурга. Во многих легендах Яков Брюс предстает в качестве колдуна и чернокнижника, знавшего с дьяволом. О нем и сложилось представление как о личности мифической с

ореолом колдовства. Это и не удивительно. Ведь тогда, в начале XVIII века, Яков Брюс был первым и единственным настоящим ученым на Руси, и его деятельность не могла не обрести в народном воображении фантастическими, волшебными подробностями. Так когда-то произошло в Германии со вполне историческим доктором Фаустом, которого весь мир теперь знает только по поэме Гёте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.